

ПРОГРАММА
«НОВЫЕ ИМЕНА»

ЮЛИЯ ФАРО

ТРИМФ

ШАФЛ

НЕТРИВИАЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ
ЧАСТНОГО СЫСКА

16+

Детективное агентство «Ринг»

Юлия Фаро

**Детективное агентство
«Ринг». Дело № 1. Рифл Шафл**

«Издательство «Союз писателей»

2017

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Фаро Ю.

Детективное агентство «Ринг». Дело № 1. Рифл Шафл
/ Ю. Фаро — «Издательство «Союз писателей»,
2017 — (Детективное агентство «Ринг»)

ISBN 978-5-00073-754-5

Неприметная соседка Зинаиды Князевой неожиданно совершает самоубийство. Выступая понятой, Зиночка с удивлением узнаёт, что основной деятельностью покойной была кустарная добыча золота на дому. Не успела Зина отойти от первого потрясения, как происходит новое убийство. А за ним ещё и ещё... Эх остановиться бы, да обмозговать случившиеся! Только сроки установленные переводчице Князевой издательством для работы над загадочной рукописью, поджимают. Так и мечутся мысли Зиночки, правнучки обер-секретаря Департамента Сената, между страшной чередой происшествий, обязанностями невесты подполковника полиции и работой над рукописью. Рукописью, автор которой словно хотел дать подсказку, умело зашифровав ее между строк. И складывается из обрывочных фрагментов страшная картина чужой тайны. А как говорится: «Многие знания – многие печали»... Чем рассчитается главная героиня за свою осведомлённость и чем вознаградит её судьба за смелость?

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-754-5

© Фаро Ю., 2017
© «Издательство «Союз
писателей», 2017

Содержание

От автора	7
Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	39
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юлия Фаро
Детективное агентство
«Ринг». Дело № 1. Рифл Шафл

© Фаро Ю., 2017

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2017

От автора

Сидя в купе вагона повышенной комфортности, я смотрела в окно. Ехать предстояло почти четверо суток, а второе спальное место всё ещё пустовало.

– Даже не мечтайте! – словно прочитав мои мысли, объявила проводница, положив около меня свежие газеты. – Все билеты проданы под завязочку. Да вот же, спешат... – Она ткнула пальцем в стекло.

По перрону, ловко маневрируя среди провожающих, бежали двое. Миниатюрная рыже-волосая женщина с тяжёлыми кудрями невиданной красоты и атлетического вида, коротко стриженный, загорелый мужчина с дорожной сумкой в руке. Остановившись напротив вагона, парочка начала прощаться.

«Счастливые влюблённые, – подумала я, глядя, как они хохочут. – Сейчас целоваться начнут...»

Однако вместо жарких объятий молодые люди продемонстрировали зевакам всего лишь крепкое рукопожатие. Кудрявая перехватила из рук своего спутника багаж и зашла в тамбур. Через минуту она уже заняла пустующее место напротив меня и без предисловий ошарашила своей непосредственностью:

– А я вас по телевизору видела! Год назад был репортаж о вашем производстве, и вы так интересно рассказывали... Ой! Поздороваться забыла! – Её ярко-зелёные глаза вспыхнули из-под широких бровей, а скулы залил приятный румянец.

Так мы и познакомились...

За беседой мне пришлось признаться, что после нелепого банкротства предприятия я осталась безработной и в силу возраста не имею приличных перспектив на трудоустройство. Она же в ответ рассказала историю, как из обычной переводчицы превратилась в частного детектива.

Уже на следующее утро в её голове созрел дерзкий план относительно моей дальнейшей деятельности.

– Будете ваять детективы! Раз в журналы статьи писали, значит, писательский труд вам под силу!

– Да, но... это были статьи на производственную тему, и печатали их в специализированных изданиях, – начала я сопротивляться, но тут же была сломлена темпераментом собеседницы:

– Я подброшу вам таких сюжетов, что вы просто не сможете устоять! Это невероятные, запутанные, а порой и мистические истории! Специально для вас выберу из своей практики самые удивительные! – пылко заверила она. – Соглашайтесь!

Пришлось сдаться. С этого момента и до самой минуты расставания я оставалась очень внимательным слушателем. О чём ни разу не пожалела, погрузившись в мир нереальных и не всегда правдоподобных, с моей точки зрения, приключений.

– Только обязательно напишите! Сразу, по свежей памяти, не откладывая... – напутствовала она меня, обняв на прощанье.

– Даю слово, – пообещала я, – напишу, а там – как получится...

Мне хотелось добавить ещё тёплых слов благодарности за её рассказы и интересно проведённое время, но в этот момент она разглядела кого-то в толпе и, нежно выдохнув всего одно слово «Свят!», припустила вперёд через площадь городского вокзала.

Я не обиделась! Она такая, моя главная героиня. Да и у меня теперь много работы...

Пролог

Церковь посёлка Озёрное, расположенного вдоль трассы, находилась на небольшой возвышенности и была хорошо видна с дороги. Храм был деревянным, срубленным из сосны, в изобилии произрастающей в здешних местах. Именно из-за обилия леса деревянное храмо-строительство на Руси всегда шло впереди каменного. Ещё в стародавние времена византийские традиции были всецело приняты мастерами Руси, но, так как передать в дереве архитектуру каменных храмов со множеством арок, колонн и прочих модулей невозможно, наши зодчие пошли своим путём, проявив самобытную изобретательность. Вот и церковь в Озёрном, построенная из ровненьких, отполированных брёвен, напоминающая скорее сказочный терем с ярко-зелёной металлической крышей и симпатичной колоколенкой, являлась примером традиций деревянного зодчества и достопримечательностью села.

Сегодня, в священную и предпраздничную спасительную ночь Светлого Воскресения Христова, незадолго до полуночи, в храме служили полунощницу. Народу собралось столько, что места внутри всем желающим не хватало, люди стояли на ступенях и просто на улице, во дворе храмовой ограды. Благо апрельская ночь не была холодной.

Перед самой полночью торжественный благовест возвестил о наступлении великой минуты Светоносного Праздника Воскресения Христова. Послышалось тихое пение, постепенно набирающее силу: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить...» В это же время с высоты колокольни раздался ликующий пасхальный перезвон.

В таком столпотворении легко остаться незамеченным...

Человек в сером дождевике сосредоточенно разглядывал окружающих, затем, убедившись, что все – кого он хотел увидеть – на месте, осторожно попятился сквозь толпу стоящих во дворе храма людей. Добрался до калитки церковного ограждения и выскользнул наружу.

Торопливо пройдя по деревенской улице, пересёк двухполосную автотрассу и оказался у высокого забора из металлошифера, за которым скрывался недостроенный коттеджный комплекс. Крадучись, прошёл несколько метров вдоль ограждения и беспрепятственно проник на территорию через трёхметровый проём, предназначенный для установки центральных ворот.

Ночной визитёр легко ориентировался среди новостроек. Обойдя несколько участков с недостроенными коттеджами, он уверенно направился к единственному дому, в окнах которого горел свет.

Словно из-под земли перед ним возникла мужская фигура в камуфляжной форме.

«Чёрт! Охранник!» – с досадой подумал человек.

– Здравствуйте! А я смотрю: вы – не вы? Что-то случилось? – охраняющий территорию молодой азиат приветливо улыбнулся.

– Да так... Небольшая необходимость... – раздалось в ответ. – А ты, Ильяс, куда собрался?

– В общагу. Земляки утром в Душанбе летят, нужно родителям денег передать, – ответил молодой таджик. – Через пятнадцать минут вернусь. – Он поспешил к проёму в заборе.

Проводив взглядом удаляющегося охранника, человек серой тенью метнулся к двери освещённого коттеджа. Он уже было схватился за дверную ручку, но, разглядев что-то через стеклянную входную дверь, беззвучно отпрянул и прижался к стене...

Глава 1

Зиночке снился страшный сон. Вцепившись онемевшими пальцами в края невесть откуда взявшихся ржавых старинных саней, она неслась с усыпанной булыжниками горы, высекая искры и издавая невероятный грохот. Долетев до подножья, она в страхе хотела соскочить с дурацких салазок и спрятаться от наступающего её камнепада, но в этот момент неведомые силы вновь стали тащить её «боб» – теперь уже вверх по горе – в сопровождении лязга и стука.

Оглушённая какофонией раздражающих звуков, Зинаида кое-как разлепила глаза и подняла голову с подушки. С чёрно-белой гравюры восемнадцатого века на неё с укORIZненной грустью смотрел красивый, большеглазый мужчина в белом парике. Зиночке даже почудилось, что правая бровь на портрете знаменитого предка приподнялась выше обычного.

– Что опять не так, Анисим Титович? – пробурчала Зинаида и снова рухнула в кровать.

Сквозь смежённые веки ей показалось, что пухлые губы костромского дворянина, обер-секретаря Князева скептически ухмыльнулись.

– Между прочим, мама говорила, что я ваша точная копия. Поэтому рекомендую проявить ко мне снисходительность...

Однако снова заснуть ей не удалось. Стук становился ритмичным, а через секунду к нему – с чего бы это? – присоединилась знакомая мелодия «Турецкого марша».

– Да ё-моё, Анисим Титович! Вы же интеллигентный человек, историк, геральдист...

Глава Межевой канцелярии! Шуметь-то зачем?

Обер-секретарь «приподнял» волевой подбородок и покосился в сторону надрывающегося телефона.

– Так бы сразу и сказали!

Зина поднесла аппарат к уху.

– Князева, ты живая?! Я уже минут пятнадцать и стучу, и звоню. Ты бы хоть дверной звонок установила, что ли! Вот буду вандалом и погну к чертям собачьим твои антивандальные роллеты на фиг! Давай открывай! – повелительно прозвучало в трубке.

Зинка спрыгнула с кровати. На ходу запахивая халат и поправляя взлохмаченные кудри, сбежала по лестнице со второго этажа и пулей ринулась в прихожую.

– Сейчас! – хриплым спросонья голосом оповестила она подполковника полиции Михаила Григорьевича Борисова, ждущего за дверью. Нервничая и торопясь, она наконец-то докрутила вороток дверных роллетов.

За непроницаемыми жалюзи появилась знакомая картина: стеклянная дверь, солнечный свет, весенний пейзаж пасторальной лужайки, знакомый синий «фольксваген» и коротко стриженный, с поднятыми на макушку солнцезащитными очками здоровяк Миша, устало прислонившийся к ограждению террасы.

– Понаделают стеклянных дверей, а потом железом закрываются! Стучу, грохот такой... – ворчал полицейский.

– Не с того начинаешь, подполковник. Христос воскрес! – Зинка поцеловала Мишу в румяную тугую щёку.

– И тебя также, неумытый поросёнок! – Миша притянул Зинаиду и поцеловал в кудрявую макушку.

– Надо говорить «Воистину воскрес!» и целоваться три раза.

– Иди умывайся, одевайся, зубы почисти, тогда и поцелую. А пока чаю попою.

Подполковник снял солнцезащитные очки, положил их на стол, по-хозяйски поставил чайник под кран и включил воду.

– Поторопись! У нас тут, похоже, проникновение со взломом и труп... Зинка, отомри, беги одеваться!

Через десять минут умытая и расчёсанная Зина в «драных» джинсах и короткой майке зашнуровывала кроссовки.

– А кто потерпевший?

– Твоя соседка Петрова. Паспорт возьми, понято й будешь.

– Раиса?! О Господи, ужас какой! Что с ней?! Она вчера приходила, куличами угощала.

– Первый раз слышу, что вы дружили...

– При чём тут «дружили»? По-соседски... общались...

Низкорослой Зиночке практически приходилось бежать, поспевая за Михаилом.

Обогнув лужайку, они прошли пару участков с недостроем и вышли к дому Раисы.

У коттеджа капитан полиции Антон Шилов разговаривал с местным управляющим товариществом собственников жилья «Озёрное» Аркадием Казимировичем Тусевичем, высоким и бодрым стариком.

Михаил и Зина поздоровались с мужчинами. Подполковник не задерживаясь прошёл напрямик в дом, а Зинаида остановилась около говорящих.

– А как бы охранник увидел? Что он мог увидеть? Из тридцати строений – двадцать пять не заселены! Где коробку не доделали... где отделочные работы идут... В пяти домах всего лишь люди живут, и то владельцы – только в трёх, остальные – в аренду снимают, – оправдывался Аркадий Казимирович.

– Почему камер нет? Ворота до сих пор не поставлены! Вы же периметр огородили? – продолжал «наезжать» Шилов.

– Какие «ворота»?! Грузовики с материалами постоянно ездят взад-вперёд! Вот достроим дома, потом ландшафт и дороги, а там... И ворота, и пост охраны капитальный сделаем. А сейчас Илья за всем присматривает...

– Илья?

– Ильяс, мы его по-русски Ильёй зовём. Он скоро подойдёт. Сегодня тихо только потому, что воскресенье и праздник, – продолжал оправдываться председатель ТСЖ.

– Так! Ещё раз, Аркадий Казимирович: кто сейчас живёт постоянно?

– Зинаида Львовна Князева, Раиса Сергеевна Петрова... жила, и я собственной персоной. Честно сказать, наш дом на внучку оформлен, но она обитает в городе. В университете учится, а отсюда в город каждый день добираться далековато.

– А временно проживающие?

– Синицыны, муж с женой. Он – художник, а она – спортсменка или тренер. Молоденькая совсем... А в том, самом крайнем доме, – он махнул рукой в сторону озера, – Святослав Цветов. Позавчера заехал.

– Кто?! – беспардонно вклинулась Зинуля. – Свят Цветов? Тот самый?! С ума сойти! Я его не узнала! Он вежливый, здоровается всегда. А я думаю, на кого похож?

– «Тот самый» это какой? – спросил Михаил, выглянув на террасу.

– Ну ты даёшь! Это знаменитый фокусник! Иллюзионист с мировым именем! Правда, несколько лет не гастролирует... Говорили, за бугор переехал, – пояснила Зина.

– Ну-ну! – буркнул Михаил. – Антон, бери наших понятий, заходите. – Он снова скрылся внутри дома.

Перешагнув порог, Зина еле сдержала себя, чтобы не вскрикнуть. Вот Миха! Без пяти минут муж, а не предупредил о том, что придётся увидеть... В доме всё было перевёрнуто вверх дном, перебита посуда, горшки с цветами. Из буфета вытащены и рассыпаны на полу крупы и мука. Разбито всё, что можно разбить, включая плафоны на светильниках.

– А где Раиса? – с замиранием в голосе спросила Зинка, чуть не споткнувшись о стоящий на полу кейс.

На корточках около открытого чемоданчика с инструментами сидел эксперт.

– В кресле, – ответил мужчина и посмотрел на любопытствующую через толстые линзы очков.

Зинуля медленно перевела взгляд в сторону высокого велюрового кресла и инстинктивно зажала рот рукой.

Бледная, с неестественно запрокинутой головой, Раиса полулежала, утопая в пухлых подушках алого цвета.

– Её убили? – отвернувшись, прошептала Зинка.

– Думаю, суицид, отравление... И предсмертная записка имеется. Просит никого не винить, намеренно покидает этот мир в пасхальную ночь, – нехотя отозвался очкарик.

– Миш, зачем она это сделала? Жила себе тихо... Обыкновенная женщина... – Зина перевела взгляд на подполковника.

– Обычная женщина? Ты просто не всё видела. Иди сюда! – скомандовал полицейский.

– Куда «сюда»?

– В гараж.

– А что у неё в гараже может быть? Автомобиля не было... Она туда всякий хлам стругала, я ещё при переезде видела.

– Хлам, да не хлам... Пойдём, удивлю.

Они зашли в гараж, расположенный в цокольном этаже дома. Помещение площадью семьдесят квадратных метров. Зина знала это наверняка – все коттеджи посёлка были типовыми. Однако удивиться здесь действительно было чему! Часть площади занимали стоящие вдоль стены полимерные мешки – биг-бэги, пластиковые ёмкости в металлической обрешётке и железные бочки. Возле окна располагались два металлических стола, на которых были установлены тигельная печь и горелка. Рядом – ванна из нержавеющей стали. По всему потолку протянуты короба мощной вытяжки, обёрнутые в блестящую гофру. Кроме того, повсюду наставлено множество химической посуды: чаши, стаканы, воронки разных размеров, колбы Бунзена и многое другое, названий чему Зиночка не могла припомнить. Многоярусные алюминиевые этажерки вдоль стен были заставлены бутылками, колбами и прочими ёмкостями, наполненными химическими реактивами. Снизу – мешки с аммиачной селитрой и канистры с аккумуляторным электролитом. Рядом со столом – китайская дорожная сумка.

Зинка взяла деревянную палочку – наподобие тех, которыми в японских ресторанах едят суши, – и пошарила ею внутри клетчатого баула... Небольшие металлические детальки различных форм – на первый взгляд похожие на пуговицы, крестики и вилочки – наполняли нутро сумки. Зинка протянула руку и вытащила первые попавшиеся.

– Миш, а это что?

– Бэушные транзисторы и тиристоры.

– А в тех мешках смотрели? – Зина махнула рукой в сторону биг-бэгов.

– И там тоже транзисторы, тиристоры, индикаторы... Есть компьютерные платы. Радиокомпоненты, короче.

– Зачем они ей? Да ещё в таком количестве?

– Думаю, она золото извлекала... Предположительно, методом экстракции. Радиодетали заливаются специальной смесью, и после определённых манипуляций отделяется золотосодержащий раствор.

– Вспомнила – «царская водка»! – сообразила Зина.

– Вытравливание «царской водкой» из этой же оперы... Оно, знаешь ли, из вторичного сырья, да ещё в домашних условиях только двумя методами возможно: либо с помощью химического реактива, либо электролиза.

– Уму непостижимо! – удивлялась Зиночка. – Адский труд за три копейки...

– Не скажите, Зинаида Львовна, не скажите, – Миша смаковал каждое слово, чувствуя своё превосходство в данной области. – Для сравнения: из одной тонны золотоносной руды

в среднем извлекается от трёх до пяти граммов чистого золота, а из тонны этого «сырья» – до трёхсот граммов. Чувствуете разницу? А золото высокой пробы сегодня более двух тысяч рубликов за граммчик. То есть минимум полмиллиона рубликов с мешочка. Неплохой приработок, как считаешь?

– А золото нашли?

– Нет, золото не нашли.

– Миш, а кто полицию вызвал?

– Казимирыч... Ему Ильяс доложил, он утром территорию обходил и увидел, что дверь распахнута.

– Ну и как тебе химическая лаборатория? – поинтересовался Антон, зайдя в гараж. – Просто декорации к фильму «Будни алхимика»!

Он подошёл к столу и, надев перчатку, взял в руки небольшую пластиковую баночку с ярко-красной крышкой, наполовину заполненную грязно-белыми крупицами.

– «Гидроксид калия, каустический поташ, едкое кали», – медленно прочитал капитан. – Смесь какая-то? И почему я в школе химию плохо учил...

– Это не смесь! – В дверях появился Аркадий Казимирович. – Это различные названия гидроксида калия.

– Яд? – поинтересовался Шилов.

– Скорее, основной компонент. Если добавить синильной кислоты – получится цианистый калий.

Антон резким движением вернул баночку на место.

– Из того, что я вижу... – продолжал интриговать Казимирович, – здесь есть такое, за что срок положен гораздо больше, чем за кустарную добычу драгметаллов.

Михаил Григорьевич остановился и строго посмотрел на председателя ТСЖ.

– Аркадий Казимирович, я в курсе, что вы учёный и химию знаете основательно. Не томите... О чём вы сейчас говорили?

– Вон, около мешков красная бочка, – тот махнул рукой в сторону биг-бэгов.

Миша, Антон и Зиночка осторожно приблизились к указанному месту.

– Не бойтесь, не взорвётся... Но убить может.

Антон присел на корточки и стал изучать бумажную наклейку на ёмкости.

– Блин, иероглифы! Понятно только, что по коду страна-производитель – Китай; рисунок черепа и скрещённых костей – опасно для жизни... И вот ещё латиницей... Ка, си, эн... Аркадий Казимирович, что это за вещество?

Антон несильно пнул бочонок, отчего крышка со стуком свалилась на бетонный пол. Ёмкость оказалась наполовину наполненной белыми гранулами, напоминающими конфеты-подушечки.

– Цианистый калий!

– Цианистый калий?! – Миша схватился за телефон. – Нужно срочно вызывать специалистов!

– Это ж сколько народу отравиться может... – испугалась Зиночка.

– Да... – задумчиво произнёс Казимирович. – Фашисты в концлагерях его использовали в газовых камерах. Правда, не совсем его, а его основу – синильную кислоту, но это не принципиально...

– Есть закрыть, опечатать и приставить охрану! – громко отрапортовал подполковник.

Выдворенная из помещения вместе с остальными Зиночка молча стояла на террасе, обдуваемая увиденное.

Антон приблизился к ней и поинтересовался вполголоса:

– Динке уже сказали, что будете жениться? – Он тут же осёкся, вспомнив, что Дина глухонемая, и поправился: – В смысле, Дина знает?

– Да поняла я тебя. – Зина похлопала его по руке. – Нет, сегодня собирались, думали Пасху вместе отмечать, ну и сказать... Теперь не знаю... Вы когда освободитесь?

– Да кто ж его знает? Извините, пойду, машину отправить надо...

Прошёл ещё почти час, пока были завершены все формальности: подписаны протоколы, опечатаны двери. Аркадий Казимирович первый отправился с места происшествия.

Зинаида повздыхала и виновато обратилась к Мише:

– Мишань, всё понимаю, но я столько еды с вечера наготовила... Давай я к тебе пойду, пока ты в отделении будешь? Дину покормлю, стол накрою. Вместе будем тебя дожидаться. Как думаешь, надолго задержишься?

– Хорошо, Кудряшка, хорошо, – рассеянно пробормотал Михаил Григорьевич, потом очень серьёзно посмотрел на Зиночку и спросил: – Вспомни точно, ночью в церкви все ваши были? И Петрова? В каком часу она к тебе приходила?

– Да вроде все... А Рая зашла ко мне часов в восемь вечера – мы как раз с тобой по телефону говорили. Принесла куличи, сказала, что сама на службу пойти не сможет.

– В церкви ты всю полунощницу отстояла?

– Всю, от начала до конца, не сомневайся. Поэтому я утром и проснуться не могла... В церковь шла вместе с Синицыными – Юриком и Леной. Юра сказал, что на следующий день собрался во дворе храма для прихожан плов готовить. При мне с батюшкой Серафимом договаривался, там Марьяна Степановна ещё была, что в церковной лавке торгует. Потом они, правда, отошли: Марьяна с Юриком – казаны смотреть, а батюшка поспешил на службу. Какое-то время мы с Леной вдвоём стояли, она сказала, что прихожан на праздник кормить – благое дело. Особенно когда большие дела намечаешь...

– Интересно, этот Юрик на верующего не особо похож: выпивает, да и курит... Такое впечатление, что не только табачок...

– Он творческий человек! Художник, – заступилась за Синицына Зинуля. – На лондонской ярмарке Frieze Art Fair свои работы выставлял! Посмотри, на какой шикарной машине они ездят. Ты, Миш, не отвлекай, а то забуду что-нибудь... Ну так вот, когда мы с Леной вошли в церковь, то увидели, что Аркадий Казимирович с внучкой были уже там. Аркадий разговаривал о чём-то с главой поселения. Мы поздоровались, с внучкой познакомились. Спортивная девица, Идочкой зовут. Она к деду на новеньком «кавасаки» прикатила. Лена стала её о мотоцикле расспрашивать, просила покататься...

– А как насчёт фокусника, Святослава Цветова? Получается, его ты не видела?

– Слушай, Мих, ты даже не представляешь, сколько там народу было: всё Озёрное и Приозёрное! Сначала я его не заметила, но позже мы с ним столкнулись, поприветствовали друг друга и разошлись. Допрос окончен?

– Ладно, отправляйся к Динке, и ждите меня. Как управлюсь – сразу приеду. Может, Антону сказать, чтоб он тебя подбросил?

– Нет, ему ждать некогда, а мне собраться надо. Сама дойду.

Вернувшись к себе, Зина уложила в сумку лоточки-кулёчки со всякими вкусностями и вышла из коттеджа. Она решила не закрывать входную дверь на «железный занавес», увидев, что охранник Ильяс занял пост около самого въезда на территорию.

Дойдя до него, Зинка угостила стража парой булочек. Предупредила, что отправляется к Михаилу Григорьевичу и роллеты не опускала.

– Не переживайте, Зинаида Львовна, я никуда не уйду! Полиция велела на месте находиться. Мало ли что ещё понадобится...

Покинув огороженную территорию коттеджной застройки и перейдя через асфальтированную трассу, Зинаида очутилась в посёлке Озёрное, представляющем собой не такой уж маленький населённый пункт – две тысячи населения. Скучные панельные пятиэтажки перемежались с частными домишками, утопающими в зелени садов. Такое смешение стилей часто

встречается в деревнях, где во времена советского прошлого возводили производственные объекты, а в целях обеспечения жильём обслуживающего персонала строили многоэтажки и другие объекты инфраструктуры. Поэтому в посёлке имелись и Дворец культуры, и магазины, и школа, и больница.

За Озёрным сразу начиналась деревня Приозёрная, где тоже проживало человек пятьсот. Помимо местных жителей, летом на озеро съезжалось много отдыхающих со всей области. Работали дома отдыха и сезонные турбазы. Песчаный берег чистейшего водоёма, поросший вековыми соснами, пользовался спросом не хуже черноморского курорта.

Михаил с дочерью Диной жили на первом этаже обычного пятиэтажного здания, неподалёку от церкви. Проходя мимо храма, Зинаида увидела Леночку и помахала ей свободной рукой. Леночка в завязанном на голове платке и одетом поверх супермодного костюмчика в стиле деним фартуке держала обеими руками большущий таз, доверху наполненный чищенными луком и морковью.

– Лена, поставь! Тяжело, – не удержавшись, крикнула Зина.

– Да прям! – с юношеским задором ответила та. – Я на тренировках штангу поднимаю! – И бодро пошла дальше.

Народу во дворе толпилось много, как будто с ночи не расходились. Обогнув огораживающий храм штaketник, Зинка увидела дымок и уловила носом вкусный запах жарящегося мяса. «Молодцы ребята!» – подумала она про Юрку с Леночкой и, свернув направо, зашла в подъезд.

Достав из кармана связку ключей, Зинаида ловко открыла дверь и втащила в прихожую сумку с яствами для праздничного стола. Дина, девятнадцатилетняя дочка Михаила Григорьевича, принаряженная ради праздника, встретила её в прихожей. Хрупкая блондинка недовольно указала гостю на часы и, нахмурив брови, покачала головой из стороны в сторону. Тут и без сурдопереводчика было ясно, что девушка заждалась и недовольна опозданием. Затем, быстро коснувшись ребром ладони своего лба и подбородка, она вопросительно уставилась на Зинаиду. На жестуно – языке глухонемых – вопрос означал: «А где отец?»

За продолжительное время дружбы с семьёй Борисовых Зинаида научилась понимать жестуно, но, зная, что Дина отлично может читать по губам, медленно произнесла: «На работе. У нас Раису ограбили, а сама она умерла. Папа задержится».

– Петрову? – спросила Дина, применив дактилологию, то есть по буквам, используя алфавит жестов.

Зинка согласно кивнула.

Дина развернула перед собой руку кулачком вверх, поочерёдно разжала пальцы, начиная с большого, затем поднесла ладонь к нижней части лица, прижав большой палец к губам, и волнообразно пошевелила остальными.

«Сколько ей было лет?» – про себя перевела вопрос Зина.

В ответ она сначала резко встряхнула растопыренной ладонью с одним загнутым пальцем, затем пожала плечами и, состроив недоумённую гримасу, подняла правую руку, согнув козырьком чуть выше себя. Жесты были выполнены Зинкой молниеносно и означали: «Сорок или больше...»

Динка в свою очередь махнула кулаком правой руки с вытянутым большим пальцем себе за плечо, потом прикоснулась ладонью к середине груди, затем – к сердцу, после чего, развернув ладонь со сдвинутыми выпрямленными пальцами в сторону Зинаиды, медленно провела ею в воздухе слева направо.

– Раиса тебе не нравилась? – озвучила Зина Динкину жестикуляцию.

Та, энергично кивая головой, подтвердила.

Зинка не стала развивать эту тему дальше и, наконец разувшись, подхватила увесистую сумку и прошла на кухню. Динка проследовала за ней.

Ловко, в четыре руки, они разложили в праздничную посуду принесённую Зинкой снедь. Затем перетаскали наполненные салатницы в гостиную, красиво расставив на застеленном белой скатертью столе. Закончив с сервировкой, уселись напротив друг друга в кресла и принялись «болтать». Их руки мелькали в полной тишине, и только выражения лиц менялись в зависимости от отношения «говорящего» к излагаемой теме.

– От мамы есть известия? – поинтересовалась Зинаида.

– Нет, – ответила девушка, намеренно изобразив на лице полнейшее равнодушие.

– Как твои творческие успехи, когда начнётся фотоконкурс?

– Мои работы хвалят, несколько портретов выдвинули на номинацию «Лица земляков».

– Будем надеяться, что победишь, – подбодрила девушку Князева.

Помолчали. И тут Зинаида решила, что настал самый что ни на есть подходящий момент. Она посмотрела в глаза потенциальной падчерицы и медленно произнесла:

– Мы с твоим папой решили пожениться.

Динка закрыла глаза и начала теревить пальцами хвостик перекинутой через плечо косы. Затем, скрестив на груди руки, в упор посмотрела на Зину и энергично замотала головой.

– Но почему, Дина?! – удивилась женщина. – Почему?.. Мы с Михаилом давно вместе, ты же не маленькая, всё понимаешь... А с тобой... Я думала, мы подруги... – От обиды на глазах выступили слёзы.

Динка опустила перед Зинаидой на колени и, обняв, поцеловала в мокрую щёку. «Я тебя люблю. Встречайтесь, только не регистрируйтесь официально!» – она умоляюще сложила руки.

Ситуацию спасла заливистая птичья трель дверного звонка. Зинка вытерла глаза и, отодвинув горячо жестикулирующую девушку, пошла открывать дверь. На пороге стоял Михаил, за его спиной смущённо топталась чета Синицыных.

– Давайте проходите, проходите, – приглашал подполковник Юрика и Леночку. – Вот, шёл мимо церкви, смотрю: наши православные волонтеры из ограды выходят, еле ноги волочат, так умаялись. Думаю, надо их к нам в гости зазвать. Мы с Юрием хоть по-мужицки накатим, расслабимся... Ты же не против, Зиночка?

Зиночка, уже полностью взявшая себя в руки после неприятного разговора с Динкой, приветливо улыбнулась гостям.

– А где руки помыть? – подала голос Лена.

В ванной Синицына схватила Зину за руку, когда та, протягивая чистое полотенце, хотела прикрыть за собой дверь, и буквально втянула внутрь.

– Слушай, только сейчас узнали про Раису! Что Михаил Григорьевич думает? Ты понятой была? Что украли-то?..

Выдрессированная Мишей держать язык за зубами относительно его профессиональных дел, Зинка распространяться не стала:

– Лен, сама ничего не знаю... Дома, конечно, у неё всё было перерыто-перевёрнуто... А что пропало – кто ж его знает? Я с ней за всё время общалась раза три-четыре... Дома у Петровой была только однажды. Мы с Казимировичем понятыми были для соблюдения установленных формальностей, только и всего.

Во время застолья неугомная Ленка ещё раз попробовала выпытать у подполковника подробности происшествия, но Михаил только отшучивался:

– Лен, ты у нас фитнес-тренер или генерал? Про тайну следствия слыхала? Да и вообще, если честно, на настоящий момент ничего неясно.

– А как насчёт двери? Замок взломан или Раиса сама её открыла? – не отставала Синицына.

– Взломан – не взломан... Давайте выпьем! Мне вот больше интересно про будни художников поговорить. А ты: ограбление – не ограбление... Дома о работе – ни гу-гу...

И он начал расспрашивать Юрия о его картинах, коллегах по цеху и «перспективах обогащения» посредством современной живописи. Да так увлёкся, что Зинка даже легонько пнула полицейского под столом, указав на бестактность вопросов.

– И всё-таки, Юрий, из каких побуждений ты сегодня кормил прихожан? – не унимался подвыпивший опер.

– Сие души моей бескорыстные побуждения, душа художника – хрупкий сосуд, наполненный светлыми чувствами, тонкая материя, меркантильным обывателям недоступная, – монотонным голосом, подражая речи церковного проповедника, прогундосил художник. – А если честно... Помните, как в молитве: «...и прости нам, Господи, грехи наши, как мы прощаем должникам нашим...» Пытался выровнять баланс... Грехи перевешивали.

Все засмеялись, и разговор плавно перетёк в русло непринуждённой застольной болтовни.

Подав чай, Зинуля с Диной быстренько перемыли тарелки, убрали остатки салатов в холодильник и посмотрели друг на друга.

– Пожалуйста, ничего папе не говори о нашем разговоре, – попросила Динка.

– Хорошо, не скажу.

Женщина обняла девушку. Та благодарно прижалась к ней длинным худеньким тельцем, возвышаясь на целую голову.

Миша вышел из дома вместе со всеми, вызвавшись проводить Зину до коттеджа. На улице Синицыны вспомнили, что забыли купить кефир, и свернули к магазину.

– Зинуль, я вот что подумал... – начал Михаил. – Хватит нам с тобой резину тянуть, мы уже не юные влюблённые, пора отношения узаконить. Предлагаю после первомайских праздников подать заявление в ЗАГС. Я могу договориться, и нас быстро распишут. А после... к морю рванём... Отметить, так сказать, изменения в судьбе. Ты с переводом книги сможешь побыстрее управиться? Сто лет на море не был! – мечтательно произнёс подполковник.

– Было бы неплохо... к морю, – согласилась Зина. – А вот насчёт быстрого окончания работы...

* * *

Нынешнее задание издательства было из разряда неординарных. Зина вспомнила своё удивление, когда Марк Израилевич возбуждённо сообщил ей по телефону о поступлении заказа, который должен быть выполнен никем иным, кроме как самолично Зинаидой Князевой.

Марк Израилевич – старинный друг её покойных родителей – был человеком трудолюбивым и, как говорила мама, «не лишённым коммерческой жилки». Поэтому ни для кого не стало неожиданностью, когда Маркуша – известный в определённых кругах литературный критик – открыл собственное дело. Конечно, нескромно было называть издательством крохотное предприятие, на самом деле выполняющее функции литературного агентства. Но, по всей видимости, тщеславное желание именоваться главой независимого издательства «Марка» было реализацией давней мечты семидесятилетнего Марка Израилевича.

Постоянный штат компании, расположившейся в двухкомнатном офисе на Центральном проспекте областного города Кумск, состоял из четырёх человек. Марк Израилевич – единый в трёх лицах – совмещал должности издателя, главного и ведущего редакторов. Лерочка исполняла функции производственного отдела и секретаря. Старушка Светлана Владимировна отвечала за корректорскую правку. Зинаида Князева занималась переводами, редактурой и корректурой. Все остальные специалисты привлекались в разовом порядке, а для печати и оформления заключались отдельные договоры с типографиями и художниками.

Основными заказчиками были начинающие или малоизвестные прозаики и поэты, чьи «шедевры» получили в крупных издательских домах от ворот поворот, и авторам ничего не оставалось, как выпустить небольшой тираж за собственный счёт.

Сначала дела шли неплохо, но в период кризиса, продолжая выплачивать аренду и минимальную зарплату, приходилось больше вкладывать, чем получать. Поэтому Марк Израилевич начал подумывать о закрытии предприятия.

А тут такая удача! Новый заказ, да ещё со стопроцентной предоплатой.

– Зиночка! – кричал Марк. – Срочно всё бросай и дуй ко мне в офис! Можешь на такси – я рассчитаюсь!

Ничего себе щедрость! Зина была удивлена и категорически не могла взять в толк, к чему такая спешка. Она мыла окна, и ей совсем не хотелось сворачиваться на полдороги.

– Марк Израилевич, может, запакуете файл в PDF и электронкой пришлёте мне? Я хоть посмотрю... А язык какой?

– Английский, но это неважно... Электронной почтой выслать не получится – это настоящая рукопись. Зина, не зли старика! Выезжай!

Примчавшись через час, Зинка застала своего работодателя в отличном расположении духа. Впервые за последнюю пару месяцев он выдавал зарплату Лерочке.

– Проходи, садись, – бросил он застывшей у порога Зине. И тут же обратился к секретарше с указанием срочно распечатать договор с Зинаидой Львовной и выписать расходный ордер на получение аванса.

Когда за Лерой закрылась дверь, Марк Израилевич вытащил из стола большую общую тетрадь в чёрной клеёнчатой обложке.

– Береги как зеницу ока! Единственный экземпляр! Наше, так сказать, спасение! Держи.

Зинаида приняла «гроссбух», пролиставла несколько страниц, исписанных размашистым почерком. Обратила внимание на исправления и зачёркивания, брезгливо поморщилась.

– Господи! Амбарная книга какая-то! Хорошо хоть, не гусиным пером царапали.

– Деточка, это для нас самый что ни на есть халяв!

– Марк Израилевич, может – «халява»? Я вас не узнаю! Вы перешли на жаргонизмы? – укоризненно покачала головой Зина.

– Эх, молодёжь! Слово «халяв» – это «молоко» на иврите. По пятницам в еврейских общинах раздавали пищу неимущим. Не всегда это было молоко, но название за этим вспомоществованием сохранилось: «молоко» – «халяв». С чьей-то лёгкой руки слово претерпело изменение и превратилось в блатную «халяву». Но значение от этого не поменялось. А теперь получите и распишитесь за аванс.

С этими словами он достал из сейфа пятьдесят тысяч рублей, запечатанных в полосатую банковскую упаковку, и протянул ошарашенной Зине.

– И это не всё! Только задаток!

– Марк Израилевич! Спаситель! – обрадовалась Зинаида. – Мне как раз задолженность по кредиту гасить надо! Всё, всё сделаю, не переживайте!

После такой предоплаты чёрная тетрадь выглядела уже совсем по-другому: почерк и многочисленные исправления больше не раздражали...

* * *

– Хотелось бы, конечно, управиться, – вынырнув из воспоминаний недельной давности, мечтательно проговорила Зиночка. – Там страниц семьдесят, я ещё только полистала, а переводить даже не садилась. Если каждый день работать, думаю, успею. Хорошо, что напомнил, а то я без заказов разленилась совсем: всё откладываю да откладываю. Сегодня же займусь этой чёрной тетрадкой...

– О чём хоть роман? Кто автор?

– Это не роман. Рукописный текст, да ещё не самым разборчивым почерком и зачем-то на английском языке... Автор неизвестен. Марк Израилевич сказал, что это личное пожелание – остаться инкогнито. В принципе, мне всё равно, главное – платят хорошо и аванс уже дали.

– Это у вас наследственное – читать и писать. А говорят гены не главное! – хохотнул Михаил. – Прадед твой великий всё переписывал, и тебе приходится.

– Может, и так, не спорю. Только Анисим Титович переписывал писцовые книги, а я...

– Графоманские, – подсказал подполковник.

На террасе коттеджа, когда Зина открывала ключом дверь, Миша вспомнил о забытых на её столе солнцезащитных очках.

– Заходить не буду, вынеси по-быстрому, – попросил он.

Скинув туфли, Зина забежала в гостиную и остановилась как вкопанная.

– Миша!.. – испуганно закричала она. – Миша! Иди сюда скорее!

Михаил Григорьевич рывком открыл тугую дверь и, не разуваясь, залетел в комнату. На кафельном полу валялись битые блюда и раскуроченные до состояния крошек пасхальные куличи.

– Миш, это те куличи, которыми меня Раиса угостила. Они вот здесь стояли. – Зина указала на открытую полочку серванта.

Михаил присел на корточки и стал рассматривать осколки богемских тарелок с ангелочками и кусочки выпечки, обильно присыпанной крашеной манкой по белоснежному безе.

– Быстро на улицу! – скомандовал жених.

Зинка беспрекословно повиновалась.

Пройдясь по дому и заглянув во все комнаты, он позволил напуганной Зине вернуться.

– Не стой, посмотри внимательно! Всё на месте или что-нибудь пропало?

Зина повторила маршрут подполковника. Везде порядок. Ничего не тронuto, даже драгоценности и деньги лежали на месте.

– У кого, кроме меня, есть ключи от дома? – задал вопрос Миша.

– У Ильи, наверное... У него от всех коттеджей ключи имеются. А роллеты я сегодня не закрывала. Ильяса предупредила об этом, он на посту у въезда стоял.

– А сейчас его там нет... – Миха поскрёб затылок. – Ну-ка пошли к нему!

Наплевав на приличия, полицейский решил не огибать огромный газон, а зашагал напрямик, протаптывая тропинку прямо посередине сочной изумрудной травки. Зинка засемила в обход, поэтому к сторожке охранника подошла позже. Войдя внутрь, она увидела говорящего по телефону Михаила:

– Антон, давай срочно сюда! Ещё один труп! Охранник, да... Тот таджик...

Рассматривая завалившееся на стол тело Ильаса, Михаил Григорьевич не переставал сокрушаться:

– Ну ё-моё!

Глаза охранника были широко открыты, ярко-красный рот исказила судорога, на смуглых скулах проступал странный румянец.

– Миш, он что, отравился?..

– Да, по визуальным признакам похоже на цианистый калий... Началось... – сокрушённо вздохнул подполковник.

На столе в тарелке лежали недоеденные фаршированные перчики и стояла кружка чая.

– Зин, это не ты его перчиками угостила? Ты же делала...

– Нет, я утром ему только две булочки дала, но я их не вижу... Миш, ты зачем на меня так смотришь? Фаршированные перцы не я одна делаю.

– Интересно... Кто его угостил? Не сам же он их приготовил?

– Может, в магазине купил? Там полно замороженных полуфабрикатов.

– Может, и в магазине... Гадать не будем – экспертиза покажет. Смотри, даже мухи содхли. Хрестоматийный признак.

– А вот и второй хрестоматийный признак: вы, господин полицейский, посмотрите внимательно на чай.

– Точно, – согласился Миша. – Цианиды при смешении с дубильными веществами придают жидкости практически чёрный оттенок. Молодец, Зина! Глазастая...

– Значит, отравили, подсыпав в чай. Или в заварник, – размышляла женщина.

– Пошли, Пинкертон. Эксперт приедет – во всём разберётся. Ну что за день!

Они вышли из сторожки.

– Шла бы ты домой...

– А ты?

– Странный вопрос. Я тут, похоже, надолго.

– Так, может, у меня подождёшь, пока твои подъедут?

– Нет. Пройдусь сначала до Тусевича, и к фокуснику заглянуть надо на всякий случай. А ты ничего не трогай в гостиной. Категорически! Сиди на втором этаже – отдыхай. Ну, или переводом своим займись. Мы здесь закончим – к тебе зайдём.

Решив последовать совету потенциального мужа, Зина поднялась в свой кабинет с твёрдым намерением приступить к работе, отбросив переживания и тревожные мысли. Главное в любом деле – начать.

Она несколько раз перечитала первую страницу текста... Из опыта явствовало, что английский язык не был для автора родным: фразы были составлены коряво и с ошибками. Пролистав ещё несколько страниц, переводчица оценила жанр «творения» как неудачное фэнтези.

«Сейчас очень модно и даже удобно писать всякие небылицы, – подумала она. – Во-первых, любая галиматья не будет изобличена в своей лженаучной и безнравственной сути; во-вторых, автор может быть абсолютно необразованным человеком, выдумывая собственные миры и наделяя их по своему усмотрению несуществующими законами физики, химии и прочих наук... Беда, что такие произведения абсолютно не способствуют умственному развитию читательской аудитории, а почерпнутая из них информация не только бесполезна в реальной жизни, но и может отуплять неокрепшие умы... Понятно, что нужен оригинальный подход к развлечению... Но фэнтези как прорыв в беллетристике?! Злая шутка!»

Удивление вызывал и тот факт, что щедрый автор, отваливший по своей инициативе солидные деньги за услуги издательства, не удосужился даже купить компьютер, чтобы предаваться пороку графомании более цивилизованным способом.

Неожиданно промелькнула догадка. А что, если автор шифруется и этот текст есть скрытое послание?..

«Стоп! Эко куда меня занесло... Кто я такая? Просто переводчик. Приняла заказ, получила аванс – вперёд!» – остановила забурливший поток мыслей Зинаида.

Установив чёрную тетрадь в настольную подставку для чтения книг и отрегулировав угол наклона, Зинка бойко застучала по компьютерным клавишам...

Из чёрной тетради

Много лет тому назад один человек, который значил для меня слишком много и ради которого автор этого повествования не задумываясь покинул свою родину, говорил, что наша жизнь подобна карточному фокусу. Подвластные чужой воле люди позволяют изменять свою судьбу, оказываясь в разных ситуациях, словно карты в колоде, которую постоянно перетасовывают умелые руки иллюзиониста. И только тот, кто мастерски распоряжается всей колодой, знает, в какой момент какая карта должна оказаться на поверхности. Ловкий

фокусник отвлекает и запутывает ничего не подозревающего зрителя, выдавая театрально обставленное мошенничество за волшебство.

Моя задача проста! В этой тетради мной совершена попытка раскрыть секрет одного тщательно спланированного «представления». Представления, в котором одни по собственной воле тщетно пытались «переписать» жизнь заново, другие – напрасно надеялись, что их ложь позволит разбогатеть.

Погибших не воскресить! Ибо даже фальшивые клоны копируют судьбы своих оригиналов!

Итак...

7505.

Аотеароа приняла Покорную и Святого Блёсома радушно. После триумфального выступления Блёсома они были представлены Жителю полуострова Пелопоннес, показывающему мир.

В те годы Житель Пелопоннеса был на пике своей славы. Являясь представителем научной элиты, он с лёгкостью заводил знакомства с представителями высших слоёв общества. Его окружали известные люди, среди которых водились эпатажные богачи со свитой шарлатанов, периодически клянчивших деньги на финансирование сомнительных лженаучных проектов...

* * *

Закончив абзац, Зина несколько раз перечитала на экране текст. Всё – как говорила бабушка – «против шерсти». Да и Анисиму Титовичу вряд ли бы понравилось!

Захотелось срочно пообщаться с владельцем тетради, а так как его контакты отсутствовали, набрала номер руководителя издательства.

– Алло, Марк Израилевич, здравствуйте! Это Зинаида Львовна беспокоит.

– Здравствуйте, Зиночка, с праздником вас православным! – ответил бодрый голос.

Зинаида уже хотела было поддержать поздравление фразой «Христос воскрес!», но вовремя остановилась, вспомнив, что Марк Израилевич наверняка исповедует иудаизм. Каково же было её удивление, когда в трубке раздалось:

– Христос воскрес, Зиночка.

– Марк Израилевич... Воистину воскрес, – неуверенно ответила она.

– Да не смущайся, голубушка, по жизни я атеист и веротерпимец. По делу звонишь?

– Да, – спохватилась Зина, – хотела поподробней узнать о своём заказе. Вот сегодня решила приступить. Текст просматриваю... Честно сказать, ничего не понимаю... Что за творение передо мной? Мне бы с автором пообщаться, может, он согласится по телефону или по скайпу...

– Ну, во-первых, не он, а она... Во-вторых, Зиночка Львовна, – Марк Израилевич перешёл на «вы», – при всём уважении напоминаю: наше предприятие – частная коммерческая структура, имеющая своей целью получение прибыли. Насколько мне известно, установленный гонорар вас устроил.

– Да, конечно, гонорар очень даже устроил, – пробормотала Зина.

– Вот видите, как хорошо! Из того, что могу сказать, не нарушая договорённостей о неразглашении: в случае одобрения перевода издать сей опус тоже предстоит нам. Причём заказчик полностью берёт на себя все расходы и не скупится ни на тираж, ни на качество изготовления. Так что при нынешнем кризисе любой каприз заказчика – за его же деньги. Извините за пошлость... Жизнь, знаете ли... Ваша задача – сроки не сорвать! А в остальном – это уже вопросы не вашей, голубушка, компетенции. Не обижайтесь.

– Извините, Марк Израилевич, всё поняла, полный перевод предоставлю вам в срок.

- Вот и славно. Всё, Зиночка, давайте прощаться. Удачи вам!
- До свидания. – Зинаида отключила телефон.

Внизу послышались шаги. Миша, как и предупредил, вернулся в сопровождении эксперта и Антона.

После того как подполковник проводил коллег, осмотревших место «расправы» с куличами, а также упаковавших в специальные пакеты несколько кусочков сдобы и битые блюда в качестве вещдоков, он наконец разрешил подруге прибраться в гостиной.

– Зин, я у тебя ночевать останусь. Сейчас соседку попрошу Динке записку передать, чтоб не волновалась.

– Отлично! – обрадовалась Зина и кинулась к нему с поцелуями.

– Да погоди ты, – погрозил Михаил пальцем. – Не видишь, Светке звоню... Алло! Светлана, привет! Да! Молодец, узнала своего соседа... Нормально... Светлана, у меня к тебе просьба: напиши на бумаге для Диночки, что я сегодня ночевать не приду, останусь у Зинаиды. Пусть не ждёт, спать ложится, если что – пусть эсэмэс пишет. Сделаешь?

Зинка даже на расстоянии расслышала, как громкоголосая Светлана удивилась такой просьбе:

– Михаил Григорьевич! Мне нетрудно, но как я до Диночки-то достучусь... Она же не слышит, – неслось из трубки.

– Света, стучать не надо. Только звонить в дверной звонок. У Динки на руке световибрационный сигнализатор звука, она его никогда не снимает, он на дверной звонок тоже настроен...

– Какой-какой сигнализатор? – зачем-то переспросила соседка.

– Световибрационный! Блин, Светлана, ты просто позвони несколько раз в дверь, Динка тебя в домофоне увидит и откроет. Вот и всё!

– Ладно, попробую, – нерешительно пообещала Светлана.

Через несколько минут пришло эсэмэс от Динки: «Всё в порядке. Целую. Спокойной ночи». Тут же перезвонила соседка и подтвердила, что Динка открыла дверь и получила записку.

– Вот прогресс! – восторгалась она. – А я и не знала, что такое бывает...

– Спасибо, соседка, – оборвал её подполковник и отключил телефон.

Они лежали на кровати обнявшись и прижавшись лбами друг к другу. После бурного телесного наслаждения их всегда накрывала волна нежности и покоя.

– Зинка, я так к тебе привык... Даже не представляю, как без тебя жить...

– Ты сейчас о чём? Я не собираюсь менять тебя на кого-то другого, только с тобой... Пока смерть не разлучит нас! – Зинка засмеялась и, разжав объятия, откатилась на другой край ложа, раскинувшись звёздочкой.

Миха тоже перевернулся на спину.

– Как там у тебя с переводом, начала?

– Ну да...

– А что таким голосом?

– Да знаешь... Там какая-то фигня редкостная, я даже Марку позвонила...

– Что говорит?

– Говорит, что думать – не моё ремесло. Платят – переводы.

– А что за «фигня»? Разврат, экстремизм? – Мишка изобразил злобную гримасу. – Давай заявим куда следует.

– Нет, просто фигня! Фэнтези непонятное: то ли на другой планете, то ли в сказочном царстве... Я ещё сама не поняла. Может, Марк и прав: быстрее исполнить и денежки получить. Миш, а ты не пошутил, когда сказал, что к морю поедем?

- Конечно нет! Будем по песочку бегать, фрукты есть... Загорим, поплаваем.
- Динка будет море фотографировать... Давай спать, мечтатель! Спокойной ночи.

Глава 2

По понедельникам у Мишки всегда были совещания в Кумске, езды до которого более шестидесяти километров. Накормленный плотным завтраком жених в дверях поцеловал провожающую его невесту и поспешил к машине, выкрикивая на ходу ценные указания:

– Сегодня не жди! Дома ночевать буду. Трудись, не ленись! Созвонимся!

Весь день Зинаида занималась переводом. Она старалась соблюдать толерантность к пафосной ерунде текста. На десятой странице – после нудного описания какого-то непонятного нормальному человеку времяпровождения Покорной, её возлюбленного Святого Блёсома, а также их приятеля, Жителя Пелопоннеса, показывающего мир, – появился новый персонаж – Великолепный Пришелец. Он погружал их в сновидения, в которых они путешествовали по разным планетам, встречались с небожителями, слушая наставления и проповеди. На одной из планет, поклоняющейся кленовому листу, они были приняты в адепты тайного Ордена...

Из чёрной тетради

...Речи Великолепного словно гипнотизировали Святого Блёсома. Покорная, чтобы не разочаровывать своего обожяемого кумира, тоже изображала интерес, хотя из сказанного понимала далеко не всё.

– Наше появление в этом мире – не результат случайности, – говорил Великолепный. – И это тем более не результат Божественного творения. Мы были созданы научным путём: инопланетянами, прилетевшими на Землю тысячи лет назад. В Библии о них говорится как о «пришедших с небес».

Он называл себя сыном Яхве и братом Иисуса. А также последним пророком Земли. Он утверждал, что Блёсом и Покорная посланы ему для свершения акта очередной «клеточной трансмиссии», необходимой для воскрешения значимых особей цивилизации, заверял, что уже начал работу над трансплантацией в их астральные тела ценного генетического кода. Передача осуществляется на уровне тонких тел, через ментальную материю. Само таинство будет проходить в Саду Творца в ночь Страждущих души.

Спустя несколько дней, вечером, Великолепный Пришелец прислал за ними машину, которая доставила Покорную и Блёсома в Сад Творца. Это была потрясающе красивая территория, занимавшая более десяти гектаров. Помимо виллы Великолепного, в саду с плодовыми деревьями и цветниками располагалось невероятное множество беседок и низких, очень широких скамеек.

По пути к месту сбора, где должно было состояться открытие ночи Страждущих души, Покорная с любопытством разглядывала незнакомую местность. От всего здесь веяло духом неформальной общины хиппи или летнего лагеря.

«Однако... Вечер перестаёт быть томным, а стиль изысканно-загадочным...» От строки к строке описания теряли фантазийный флёр. У Зины создалось впечатление, что автор начал торопиться. Она ощутила его желание быстрее донести до читателя что-то главное, настоящее, не терпящее отлагательств... Автор тревожился, хотел сорвать маску, но явно осторожничал...

Большинство адептов, прибывших в Сад Творца, были одеты во всё белое или прозрачное, некоторые и вовсе разгуливали в костюме Адама.

Когда все собравшиеся расселись полукругом прямо на траве, перед ними явился Великолепный Пришелец. Одетый в серебристый балахон, он подошёл к установленному микрофону

и, воздев руки к небу, запел на неизвестном языке. Присутствующие начали плавно качаться из стороны в сторону.

– О избранные дети космоса, ведающие истинной своего происхождения, приветствую вас! Эллахим!

– Эллахим! – отозвалась толпа.

– Встанут и подойдут ко мне те, на кого указали мне наши великие предки! Вкусят из рук моих напитков своей истинной родины!

После этих слов все замолчали. В полной тишине Великолепный подходил к некоторым из своих приверженцев и, произнося магические слова, касался их лба рукой.

Покорная и Блёсом оказались в числе пар молодых мужчин и женщин, избранных Великолепным. Вместе с остальными они поднялись и последовали за ним.

Абсолютно обнажённые юноши и девушки появились на поляне, неся в руках чаши с напитком. Великолепный выкрикнул непонятное слово и приказал раздать чаши всем избранным.

Покорной показалось, что это было тёплое вино, приправленное специями и травами. На вкус – сладковатое и приятное. Уже после первых глотков тело наполнилось страстным желанием, голова слегка закружилась, захотелось прилечь.

– Тех, кто будет создан этой ночью, мы станем считать нашими богами! Так ступайте и завершите процесс клеточной трансмиссии! Не теряйте времени! Остальных я призываю погрузиться в медитацию и поспособствовать чуду возрождения!..

«С ума можно сойти!» – подумала Зиночка, переводя следующую страницу, посвящённую оргии и беспорядочному совокуплению оставшихся на поляне адептов.

И только сцена любви Покорной и Блёсома отличалась от предыдущего текста поэтичностью описания. Она казалась как будто вырванной из контекста и явно диссонировала с общей манерой изложения. Это скорее походило на очень личное воспоминание... Воспоминание влюблённой женщины...

Как можно себя уговорить умными словами, если все слова противоречат правде-истине? Где найти аргументы, чтобы убедить себя не делать глупости, не обманываться, не усугублять зло, душиить в себе и вырывать с корнем побеги обмана и заблуждения? Где найти эту силу, чтобы уговорить сердце бьющееся, чтобы разум успокоить, какие мантры почитать, какие рейки попеть? Как внушить себе, что желание твоё грязное и постыдное и хорошим, чистым людям несвойственно совершать такое отвратительное действие?! Как себя в этом всё убедить?.. Если поёт каждая клеточка, если хочется к нему прижаться, а потом... Пусть хоть все на свете – нравственно отягощённые большим количеством знаний, поведенческих законов и этических кодексов – голосят и выплёскивают свою жёлчь куда попало... Разве это может сравниться со счастьем дышать с ним одним воздухом, близко-близко?.. Вот сколько ни противься – всё равно любовь победит!

Покорная разулась и, ступая по сухой тёплой траве, приблизилась к лежащему Святому Блёсому. Он лежал на спине, одна рука под головой, другая на груди. Она залюбовалась... Тихая радость, нежная грусть защемили сердце... Беззвучно легла рядом и замерла. Он не пошевелился – дышал ровно. Покорная успокоилась и расслабилась, лежать с ним было сбывшимся вождением. Тепло его тела волной накатывало на неё, заворачивало в кокон притягательного желания. Знакомый запах его смешался с ароматом горькой травы и спелого яблока. Осмелев, она чуть-чуть повернула голову и коснулась щекой его плеча. Он не пошевелился...

«Мой родной, единственный, желанный... Господи, помоги нам, не оставляй нас милостью своей!» – подумала она и вздохнула. В этот момент Блёсом повернулся на бок, высвободил руку из-под головы и обнял Покорную...

Сначала она уткнулась ему в грудь всем лицом, вдохнула его... На вкус губами попробовала... Как к свободе прикоснулась... Такая лёгкость во всём теле, да и тела как будто нет у неё: душа крылатая воспаряет над лугом, над садом, над всем миром! И чем сильнее Блёсом Покорную прижимает – тем выше душа взлетает и больше радости святой испытывает. А потом вдруг небо звёздное обрушилось своей тяжестью и придавило её к земле. Но так это хорошо, так нравится, что хочется больше и больше! И качаются они в серебряном челноке посредине звёздного неба так, что дух захватывает! А от силы их любви радуги загораются да в далёких галактиках миры зарождаются...

Как же это может быть плохо?.. Если в этом Природы-Матери промысел и благословенье – и остановиться невозможно. Это время жизненной истины, только два человека – с одним телом и одной душой на двоих – проникают друг в друга, просачиваются в каждую клеточку, в каждую кровиночку, в каждый волосок, питают друг друга силой жизни, напитываются впрок...

Зачем слова – что объяснять? Слово изреченное ложью станет – только сердце любящее не обмануть. И что интересно заметить: не нужно для истинной, желанной любви ни свечей ароматных, ни музыки, ни будюаров, ни пеньюаров... Там, где души сливаются в целое, всё остальное – от лукавого. А от чистой любви Покорной к Блёсому родилось ожидание...

* * *

Эти нелепые и наивные строки растрогали Зиночку. Она поймала себя на мысли, что не смогла бы так трепетно описать свои интимные отношения с женщиной. Ей вдруг вспомнилось, как прозаически закончилась её первая любовь. Тот, кого она уже почти считала своим мужем, внезапно объявил, что принял решение «валить из этой страны» в Америку. На все вопросы, как он сможет жить, дышать, спать без своей любимой Зиночки, он похабно рассмеялся и безапелляционно заметил, что она придаёт слишком большое значение «приятному процессу трения одних частей тела о другие», видимо перефразировав известную цитату Марка Аврелия: «Совокупление есть трение внутренностей и выделение слизи с каким-то содроганием...» Ну что ж, каждый имеет свою точку зрения...

Допечатав предложение, Зинка выключила компьютер и, запрещая себе думать о прочитанном, подошла к окну. Оно выходило на единственную «достопримечательность» коттеджной застройки, а именно: лужайку, густо заросшую молодой газонной травкой. С высоты второго этажа женщина разглядела, как со стороны озера, неся в руках рыболовные снасти и ведро, возвращался Святослав Цветов, а со стороны ворот, навстречу ему, шёл Тусевич. Аркадий Казимирович ускорил шаг, двигаясь по направлению к дому фокусника. Цветов же, в свою очередь увидев Тусевича, попытался изменить траекторию движения, но, поскольку в ограниченном пространстве ретироваться было затруднительно, он развернулся и быстрым шагом направился обратно к водоёму. Казимирович последовал за ним.

Зинка наблюдала за происходящим до тех пор, пока оба действующих лица не исчезли из поля зрения. Спустившись в гостиную, она в ожидании закипающего чайника несколько раз набрала подполковника. Ей вдруг нестерпимо захотелось увидеть Михаила. Зинка загадала: вот если он сейчас возьмёт трубку, значит, любит по-настоящему и у них всё обязательно сложится.

Увы! Абонент находился вне зоны действия сети...

Глава 3

На следующий день, возвращаясь из магазина и торопясь пересечь автотрассу, Зинка ойкнула и отскочила в сторону: совсем рядом с ней пронёсся урчащий мотоцикл. Ярко-зелёный «кавасаки», оставляя за собой клубы серой пыли, въехал за огороженную территорию.

«Тьфу ты, Идочка, напугала!» – раздосадованно подумала Зина.

Участок Тусевичей был от въезда первым, поэтому, когда Зинаида вошла на территорию, она увидела стоящий мотоцикл и сидящую на нём верхом девушку, упёршуюся ногами в землю. При виде соседки байкерша сняла шлем и, повернувшись к женщине, виновато произнесла:

– Зинаида Львовна, простите, совсем не хотела вас напугать! Думала, вы меня видите...

– Здравствуй, Идочка, ничего страшного, бывает.

В это время на террасе дома появился председатель товарищества.

– Артемида, ты зачем соседей пугаешь! Здравствуйте, Зинаида... Как хорошо, что мы встретились!

«Господи боже мой, дай силы не засмеяться! Она, оказывается, Артемида! Какое пафосное имя...» – пронеслось в голове Зинки.

– У меня к вам просьба, – продолжал Казимирович, пригладив седые волосы и поправив очки. – Вы дама разумная, понимаете, насколько наш ТСЖ зависим от главы поселения по вопросам стройки. На канализацию, электричество, газ – на всё это приходится получать визовую поддержку или согласование, – он вопросительно поднял взгляд.

– Вы как-то издали начали... Я пока ничего не понимаю. Что, возникли проблемы?

– Да не то чтобы проблемы... Неловкая ситуация. Ко мне обратилась районная администрация. Планируют проведение торжественного заседания к Первомайским праздникам в ДК Озёрного. Прибудут представители областного руководства, СМИ. Сначала – выступление главы района, затем – награждение передовиков и концерт... Всё, так сказать, в лучших традициях почившего совка... – Он опять взял паузу.

– Аркадий Казимирович, давайте к сути, я и правда не понимаю... Вы мне предлагаете выступить с речью на собрании или спеть на концерте? – отшутилась она.

– Ловлю на слове! – заулыбался Аркадий Казимирович. – Но моя просьба в другом... Глава администрации попросил, чтобы выступил Святослав Цветов. Им кто-то настучал, что он здесь проживает. Теперь они считают, что вопрос решённый. Честно сказать, областные бонзы с семьями фактически из-за его концертного выступления и приедут. А у меня ничего не получается: не могу его уговорить! Он категорически отказывается. Зиночка, может... вы поговорите с ним? Перед вашим обаянием никто не устоит!

«Так вот почему фокусник ретировался при встрече с Казимировичем! – вспомнила Зина. – Не любит, стало быть, общественных нагрузок...» А вслух кокетливо произнесла:

– Да бросьте вы, Аркадий Казимирович, тоже мне, нашли соблазнительницу! Цветов – мировая величина, думаю, его соблазнением занимаются модели с обложки «Плейбоя», тем более, мне кажется, он уже давно не наш соотечественник, так что рычагов давления на него никаких. Только, как говорится, его добрая воля...

– Зиночка, ну хотя бы попытку сделайте, очень вас прошу! Кстати, в помощницы могу вам дать Идочку, так сказать, для усиления воздействия женскими чарами. Цветов в обед всегда дома. Пообещайте, что поговорите с ним!

– Ладно, попытаюсь. Но не из-за трепета перед областным руководством, а из личного желания посмотреть его выступление. Ида, зайдёшь за мной часа через три?

Девушка, всё это время безучастно слушавшая разговор деда с соседкой, согласно кивнула.

Ровно через три часа они топали по посыпанной гравием дорожке в направлении озера, где находился арендованный иллюзионистом дом.

– Ида, ты мне помогай, не молчи, а то из меня парламентёр ещё тот...

– Зинаида Львовна, я сейчас даже в Википедии про него прочитала. Он действительно знаменитость! Был победителем Европейского конкурса FISM и Всемирного конкурса FISM в Пекине, забыла в каком году. А вы не знаете, FISM – это что такое?

– Federation Internationale des Societes Magiques. Или в переводе с французского – Международная федерация обществ магии. Я на эту тему статью для журнала переводила. Помню, основана эта организация была в 1948 году, а конкурсы проводятся раз в три года. В FISM зарегистрировано пятьдесят тысяч магов из сорока трёх стран. Цветов, кстати, почётный член этого сообщества.

– Ой, Зинаида Львовна, я его уже боюсь! Вот дед, вечно поручит что-нибудь неисполнимое! Думаю, просто так нам его уговорить не удастся... Предлагаю рассмешить! Тогда ему точно не отвертеться.

С этими словами Ида отошла к стене недостроенного здания, быстро сняла с себя джинсовый жакет, затем белую маечку. После чего надела жакет прямо на голое тело, застегнув все пуговицы.

Зинка залиvisto засмеялась, наблюдая за переодеванием. Как здорово быть таким молодым, безбашенным, красивым, всегда готовым превратить в шоу любое действие!

Будто в подтверждение её мыслей Ида нашла на стройке деревянный черенок от лопаты, затем, привязав к нему за рукава белоснежную майку, начала размахивать символическим знаменем капитуляции. При этом она делала измученное лицо и приговаривала:

– Уважаемый маг, не превращайте нас, пожалуйста, в сортирных мух или тараканов! Мы всего лишь подневольные жители ТСЖ «Озёрное», направленные к вам волей Аркадия Казимировича и областной администрации. Смилуйтесь над нами, выступите, пожалуйста, на торжественном концерте!

Теперь уже Зинка хохотала в голос и, согнувшись, держалась за живот.

– Хватит... Хватит... Пошли. Если Цветов не согласится – скажу Казимировичу, что ты выступишь лучше всякой артистки!

– Кто? Я?.. Всё! Я самый серьёзный в мире посол, с самой важной миссией. – Лицо Артемиды моментально сделалось строгим и серьёзным. – Отставить разговорчики! Следом за мной шагом марш! – скомандовала девушка и, прислонив импровизированное древко знамени к плечу, замаршировала, старательно вытягивая носочки.

Коттедж Цветова входной дверью и террасой выходил на озеро, поэтому парламентёры не были замечены до последнего момента, пока не появились с обратной стороны, выйдя из-за угла дома.

На веранде вместе с Цветовым сидели супруги Синицыны. Увидев шествие под белым флагом, все заулыбались и замахали руками.

– Вы ко мне? – Святослав встал из-за стола. – Милости прошу, проходите.

– Клёвый мужик, ну просто... мужик-мужик! – прошептала Ида, разглядывая Цветова.

– Козырь, – непроизвольно вырвалось у Зиночки словцо из далёкого детства...

* * *

До второго класса Зиночка с родителями жила в солнечном степном городе, далеко-далеко от столицы советской родины. Они обитали в двухэтажном кирпичном доме, построенном немецкими военнопленными в конце сороковых.

На первом этаже, через стенку с ними, жил дядя Толя Плачента. Его так все и называли. Ни Толик, ни Анатолий Иванович – что, на первый взгляд, куда проще. Для всех он был исключительно дядя Толя Плачента. Никогда в жизни Зина больше не встречала такой чудной фамилии.

По вечерам дядя Толя Плачента любил сидеть на скамейке около подъезда, курить папиросы и щёлкать семки. Выходя на улицу, он всегда снимал с лестничных перил жестяную банку из-под тушёнки, которая крепилась к перилам посредством загнутой и не до конца скрученной крышки и использовалась в качестве пепельницы выходившими покурить соседями. Банку ставил на скамейку рядом с собой, тушил в неё курево или ссыпал туда шелуху подсолнечника, предварительно накопленную в кулаке.

Он был худ и жилист, словно сушёный гриб. Всегда ходил в серых бесформенных брюках и светлой майке-«алкоголичке». На голове – неизменная кепочка, по-блатному сдвинутая на затылок. Поза – в которой он нёс свой ежевечерний караул, восседая на скамейке, – тоже была неизменной: ссутулив костлявую спину, он покачивал перекинутой через колено ногой, обутой в коричневый тапок со стоптанной пяткой.

Одни говорили про него, что фронтовик, другие – что сидел в тюрьме... Зинка даже помнила блёклые наколки на его плечах и пальцах. Знали, что попивает, что живёт один и не дебоширит. Говорили много чего, однако ценили за золотые руки слесаря-умельца и привычку раздавать меткие, но далеко не лестные прозвища.

Так, за свой малый рост и чрезмерную подвижность Зинка с лёгкой руки соседа величалась Крохопулей; полная и высокая Белла Петровна, участковый педиатр, – Эскулапихой; тётка Лидочка из соседнего подъезда, постоянно дающая в долг жильцам всего дома, – Старушкой-процентщицей. Но самыми невероятными прозвищами наделялись многочисленные ухажёры Майки Грошевой, продавщицы из овощного.

– Эй, Грошиха! – сипло окликивал Майку дядя Толя Плачента. – Это что за Щенок Бульварный (или Фуфел Распальцованный, или Гимназист, или Вано-Мимино, или ещё что-то в этом роде) к тебе вчера на пансион напрашивался?

Майка фыркала и убегала. Обижаться на соседа не было никакого резона: кто потом придёт протёкший кран чинить?..

И только один раз... Зинка хорошо помнила тот случай, так как сидела рядом на скамейке...

Майка шла домой под ручку с красивым статным мужчиной в форме. Поравнявшись со скамейкой, мужик поздоровался и закурил. Ему очень шло курить. На него вообще хотелось смотреть во все глаза, попадая под власть скрытой в нём силы. При внешней демократичности манер понималось, что он совсем не прост, этот красавец с ямочкой на подбородке и глазами цвета майского мёда. Перебросившись с соседом парой ничего не значивших фраз, мужчина в сопровождении Майки скрылся в подъезде.

– Наконец-то подфартило Грошихе! Этот – Козырь настоящий! – задумчиво произнёс дядя Толя Плачента, посмотрев на Зинку. – Козырь, по всему видать, да ещё и с куражом...

* * *

Из воспоминаний детства в действительность Зинаиду вернул красивый голос Святослава Цветова:

– Дамы, прошу, присоединяйтесь!

Внешностью Цветов завидно отличался от рыхлого Синицына, который был моложе его лет на десять. Невысокого роста, с пронзительными, как у затаившегося хищника, зелёными глазами, с лёгкой, пружинистой походкой, со смуглым мускулистым телом, он скорее походил на акробата, чем на фокусника, выступающего на арене в смокинге и бабочке.

– Чай, кофе или что-нибудь покрепче? – поинтересовался он низким голосом с приятной хрипотцой.

– Просто водички, – попросила Зина, глядя в сторону нескольких пузатеньких бутылочек минералки, стоящих на столе.

– И мне, – присоседилась Ида.

– Стакан? – спросил Святослав.

– Без стакана можно?

– Пожалуйста, – ответил он и подал гостям по бутылке воды, предварительно открутив пробки и метко, почти не целясь, одну за другой отправив их в мусорную корзину.

Девушки разместились на плетёном диванчике.

Юрик сидел на стуле, развалившись и вытянув ноги. В руке – банка с пивом, на носу – тёмные очки. В знак приветствия он только поднял вверх ладонь правой руки. А Леночка, листавшая журнал, отложила чтиво и, перегнувшись через столик, поцеловала Зиночку и Иду.

– Чему посвящён флешмоб? – спросила Леночка, с улыбкой разглядывая «белый флаг», который Ида аккуратно прислонила к стене.

– Сейчас узнаешь, – прошептала в ответ байкерша.

– Мы вам, наверное, помешали беседовать? – отпив воды, извиняющимся голосом произнесла Зинаида.

– Да как вам сказать... С моей точки зрения, вы появились в самый подходящий момент. Я ведь уже не знал, как отбиваться от предложения великого художника, – последние два слова он произнёс с явной иронией, – написать мой портрет. Говорит: «С места не сойду, пока не получу согласия!»

Юрий с недовольным выражением воспалённо-красных глаз посмотрел на шутника поверх очков.

– А я ему предлагаю со мной в карты сыграть. Говорю, давай партейку в штосс, как бывало на туманном Альбионе. Накажешь старика, и воля твоя – буду оставшийся месяц тебе позировать.

– Так вы давно знакомы? – встряла Ида.

– Да лет десять как пересекаемся по свету, – неопределённо ответил Синецын.

С этими словами он взял лежащую на столе колоду и, явно рисуясь перед девушками, пару раз небрежно сделал короткую «пружинку», пролистав карты.

«Интересно... Здесь Юрик ведёт себя совсем по-другому», – подумала Зина.

– Ух ты! Мне так нравится, когда всякие такие штучки с картами делать умеют! – восхитилась Ида.

Сочтя момент подходящим, Зинаида решила действовать с места в карьер.

– Святослав, Первого мая в клубе Озёрного будет торжественное собрание, и мы от лица всего местного населения очень просим у вас хотя бы коротенькое выступление, буквально два-три номера. Все уже знают, что вы тут отдыхаете. Пожалуйста, не откажите! – выпалила она на одном дыхании и комично зажмурила глаза, втянув голову в плечи.

Ида взяла в руки импровизированное знамя и помахала им над головой.

– Сдаёмся и рассчитываем на вашу благосклонность, – фальцетом поддержала она. – Мы, парламентарии обществу села Озёрное...

– Ну Казимирыч, ну хитрый лис! – ухмыльнулся Цветов. – Не мытьём, так катаньем. Ладно! Как таким красавицам откажешь? – Он забрал «знамя» из рук девушки. – Сдаюсь, сдаюсь!

Все засмеялись.

– Эй, кардист, хват ослабь! – обратился Цветов к Юрику, продолжавшему мучить колоду. – Зажим средним пальцем поубавь, говорю... Карты разлетятся.

Но было поздно. Колода перестала повиноваться Синицыну, и гибкие лощёные карты с шумом разлетелись в разные стороны.

Ида подскочила с места и, быстро собрав их, протянула Цветову.

– Пожалуйста, покажите, как надо! Только помедленнее. Я обожаю, когда такие штуки делают!

– Эти «штуки» называются флориши, мадемуазель.

Цветов потянулся к столу, взял портсигар и достал сигару.

– С вашего позволения, дамы...

Облачко вкусного сизого дыма было подхвачено весенним ветерком и растворилось в воздухе.

– Мне нравится запах хорошего табака, – грустно сказала Зиночка. – Бабушка и дед всю войну прошли, до самой смерти курили.

– Флориши... Что это? – напомнила про себя Артемида.

– Флориши – это манипуляции с картами, жонглирование, так сказать, часть иллюзионизма.

– Фокусы? – высказала догадку девушка.

– Не совсем... Но! Обязательная составляющая всех карточных трюков. Флориши – зрелищная демонстрация ловкости рук.

– Для отвлечения внимания зрителей! – пояснила Леночка и звонко засмеялась.

– Обижаетесь, Элен. – Цветов прищурил глаз и, не вынимая сигару изо рта, выпустил очередное облачко дыма.

Затем, зажав колоду в правой руке, выстрелил упругой пружинкой в подставленную напротив ладонь левой. После чего вся колода несколько раз благополучно перелетела между руками.

– А какие красивые у него руки! – шепнула Идочка на ухо Зинаиде. – Ой не могу! Какие руки! – Она откинулась на спинку диванчика и захлопала в ладоши. – Потрясающе! Просто потрясающе! – явно перебирая с эмоциями, восторгалась девушка.

– Вы не представляете, какие фокусы Свят с ножами может делать! – произнесла Леночка.

– С ножами мне не надо, – перебила её Ида. – Мне с картами... Так я, конечно, никогда не научусь... Но если бы вы показали какой-нибудь красивый вариант тасовки...

– Тасовок множество, – с интонацией знатока вставил Юрик. – Например, фаро – очень эффектно! Свят, покажи гостям фаро.

– Фаро так фаро, – равнодушно отозвался Цветов. – Одна из самых распространённых техник карточного фокусника. – Он затушил сигару. – Показываю! Берёте колоду, делите её пополам. Теперь запомните: хват – расположение пальцев... Большой – с одной стороны, указательный – с торца, а три других пальца – на противоположной стороне. Вот так!

Фокусник встал со своего места и, подойдя к Артемиде, присел около неё на подлокотник диванчика. Зинаида ощутила горьковато-свежий запах его парфюма и с удовольствием вдохнула приятный аромат. Идочка слегка покраснела и, как показалось Зинке, придвинулась к Цветову.

– Хват второй руки у кардиста должен быть вот таким. – Он продемонстрировал вторую половину карт, удерживаемую кончиками длинных сильных пальцев. – Теперь, оставляя левую руку статичной, подносим вторую часть колоды... Под углом... – он говорил очень медленно, сопровождая каждое движение подробным пояснением. – Ослабляем хват в нижней части левой руки и, соответственно, в верхней части правой... Теперь смотрите внимательно... Карты сами начинают проникать друг в друга. Некоторые называют это фаро-врезка. Завершить тасовку лучше обычным каскадом. Карты ставим на мизинец и указательный... Приподнимаем... Сбрасываем.

Святослав несколько раз повторил для застывшей от восторга поклонницы ловкие флориши и вернулся на своё место.

– Круто! – выдохнула Ида. – Я такое в фильме про казино видела!

– Может быть, – согласился Цветов. – Хотя, как правило, в казино используют другую тасовку – рифл шафл.

– Рифл шафл... – словно эхо повторила девушка. – Загадочно звучит.

– Её ещё называют ребристой. С точки зрения перемешивания карт в колоде – она самая оптимальная и, по-моему, самая красивая. Я бы даже сравнил её с жизнью, – добавил он задумчиво. – Подъём – спад, подъём – спад... Всё меняется местами и складывается таким невероятным образом, что невозможно предугадать...

С этими словами он склонился над столом, и карты в его руках, выгнувшись дугой, с шелестом легли одна на другую, после чего были разделены и красиво, с невероятной скоростью перетасовываясь, сброшены на стол.

– Рифл шафл – один из вариантов налистывания...

Зиночке показалось, что у Цветова испортилось настроение. Он снова потянулся за сигарой, но передумал. Все молчали.

– Ну всё! Наша миссия выполнена. Разрешите вас покинуть? – Зинаида встала из-за стола и посмотрела на Идочку.

Было видно, что той уходить совсем не хотелось, но тем не менее девушка послушно последовала её примеру.

Удовлетворённые результатом встречи «послы» уже практически дошли до дома Тусевичей, когда Ида спохватилась:

– Блин!.. Майка там осталась. Как думаете, возвращаться или потом забрать?

– Ну... хочешь – вернись.

– Ладно, потом зайду, – проговорила Артемида, хитро улыбнувшись.

Вернувшись домой, Зинаида позвонила Мише.

– Ты как? – спросила она в ответ на уставшее «аллё», услышанное в трубке.

– Жрать и спать, – ответил жених. – Еду со вскрытия.

– И чего там?

– Ну, как и предполагали – отравление цианистым калием. Кстати, мы у Ильяса в сторожке твой ключ так и не нашли... Гуляет где-то... Тебе обязательно нужно сменить замок. Ладно, я с этим сам разберусь, а ты пока закрывай роллеты всегда, когда выходишь. Поняла?

– Поняла. Я сейчас к Цветову ходила.

– А я позавчера так до него и не дошёл... Тебе он зачем понадобился?

– Мы с Идой – внучкой Казимирыча – обеспечили его участие в торжественном концерте...

– Чёрт! Праздник же через три дня! А я забыл про дежурство! Там высокопоставленные гости... Хорошо, что напомнила...

– Может, приедешь? Я соскучилась...

– А ужин?

– Так это я мигом! Что хочешь?

Миша помолчал.

– Зинка, может... я за Диной заеду и с ней к тебе на ужин, о'кей?

– Конечно, с Диночкой и приезжайте!

Не теряя времени, Зинаида нажала на дисплее отбой и ринулась к холодильнику, доставая мясо, овощи, зелень и на ходу прикидывая, чем побаловать будущих родственников.

Мишка с Динкой приехали часа через три. Зинаида как раз вытаскивала из духовки запечённое мясо.

– Как вкусно пахнет! Слюной захлебнусь – с утра не ел, – пожаловался подполковник.

Диночка расцеловалась с Зинаидой, сполоснула руки под кухонным краном и по-свойски принялась расставлять посуду.

С Михаилом потрапезничать по-семейному не удалось: у него постоянно звонил телефон, несколько раз он, разговаривая, даже выходил из гостиной. Зина слышала, как жених буквально орал в трубку, возмущаясь словами невидимого собеседника:

– Ну не сейчас же мне срываться!.. Может, можно подождать до завтра? Да я понял! Если это результаты проверки, то почему только сегодня сообщили? – негодовал Миха. – Хорошо, сейчас буду... – подавленным голосом пообещал он.

– Ты сейчас уедешь, – поняла Зина.

– Причём срочно, – ответил Миша. – Представляешь, объявилась контора по утилизации, в которой пропало несколько тонн отсортированных золотосодержащих радиодеталей. За этой организацией большие люди стоят. Трясут теперь наше начальство, меня вызывают. Читали рапорт о найденном у Раисы в доме... Чёрт! До завтра, что ли, не подождать?.. Я Динку у тебя оставлю. Доченька, останешься у Зины? – Он ласково потрепал девушку по руке.

Дина согласно кивнула в ответ.

– Я не знаю, когда вернусь. Не ждите, ложитесь спать.

Поцеловав обеих и допивая на ходу чай, Миша поспешил вернуться на службу.

– Мне надо тебе что-то рассказать, – сообщила Дина на жестуно, лишь только за Михаилом закрылась дверь.

В ответ Зина кивнула и стала внимательно следить за её жестами.

– Я сегодня утром ходила к озеру фотографировать сосны для конкурса.

Зинаида кивнула в знак того, что понимает.

– Там был художник Юра Синицын, он был с мольбертом и рисовал деревья. Я его тоже сфотографировала. Потом к берегу подплыла лодка, и из неё вылез красивый мужчина.

– Высокий или низкий, толстый или худой? – спросила жестами хозяйка.

Динка состроила гримасу, затем показала рост.

– Невысокий, нетолстый – красивый! – ещё раз пояснила она.

Дальше она «рассказала», будто художник требовал у мужчины деньги, а тот ему сказал, что с собой таких сумм не носит, и велел зайти к нему в обед. Ещё мужчина смеялся над Юрием, говорил, что это Синицын должен ему платить за то, что он ему жизнь устроил...

– Может, пошутил? – насторожённо сказала Зина.

– Нет, не шутил, по лицу видно.

– Они тебя заметили?

– Нет, я стояла в камышах. Из воды снимала берег и сосны.

– Отцу расскажем?

– Ты расскажи.

Перед сном Зина снабдила Динку чистым полотенцем и отправила в ванную.

В дверь постучали. Это было странно, так как Миша имел свои ключи, а гостей – тем более в такое позднее время – она не ждала.

Зинка включила свет на террасе и увидела стоящего за стеклянной дверью Цветова. Поспешно открыла...

– Вот, вы блузку забыли. – Он протянул ей свёрток.

– Майка не моя, а Идочки, но я завтра ей передам. – Женщина улыбнулась. – Может, зайдёте чаю попить?

Он мельком взглянул на часы и переступил порог дома.

– Вы не одна? – спросил Святослав, сидя за столом и прислушиваясь к звукам льющейся в ванной воды.

– Нет, я с Динкой, это дочь Михаила, так сказать, моя падчерица. – Зина улыбнулась. – Собираемся пожениться...

– Поздравляю.

– Да вот Динка почему-то этому не рада, не даёт своего благословения, говорит, что лучше так живите.

– Ничего, время пройдёт, всё наладится. Вы же с ней мирно живёте, не ругаетесь?

– Она у нас глухонемая. Ругаться не ругается, но злиться умеет.

– Извините, я не знал.

– Ничего, всё в порядке.

Вернувшись из ванной Динка вздрогнула, увидев Цветова, и знаками показала, что узнала в нём того самого «красивого» мужчину.

– Я поняла, потом обсудим, – дала понять Зинаида и пододвинула ей чашку с чаем.

Динка была одета в ситцевый безрукавный халатик. Иллюзионист не отрываясь смотрел на левое предплечье девушки, где виднелся розовый шрам размером с пятирублёвую монету, словно от ожога.

Уже обувая кроссовки в прихожей, он вдруг спросил, не знает ли Зина происхождение этой отметины.

– Нет, не знаю. Мы познакомились около двух лет назад, когда я сюда переехала. Мне в тишине лучше работается. Я переводчик. Знаю, что девочка стала жить с Мишей незадолго до нашего знакомства. Он со своей женой давно развёлся, она оказалась то ли сектанткой, то ли приверженкой какого-то культа. В общем, по идейным соображениям расстались. Думаю, именно из-за странностей своей матери повзрослевшая Динка решила жить с отцом. Тёмная история. Поэтому никаких подробностей о её детстве я не знаю. Она хорошая девочка, только... в силу своего недуга не очень общительная.

– Вы зовёте девушку Диной... А полное её имя Надежда? – пристально глядя на Зиночку, спросил Свят.

– Надежда?! – удивилась Князева. – Нет. Полное имя нашей красавицы Диана.

– Понятно. Охотница Диана... – задумчиво произнёс Цветов. – Засиделся, пойду... До свидания! Извините за поздний визит.

– Ничего, всё нормально. Идочке майку завтра передам.

Михаил вернулся поздно ночью, злой и вымотанный. Зиночка, ухаживая за уставшим подполковником, с расспросами не приставала. И только когда лежали в кровати, спросила про шрам на руке у дочери.

– Слушай, мне когда бывшая Дину привезла – у неё на этом месте была татуировка с жучком каким-то. Я даже спрашивать не стал у сумасшедшей, что к чему, просто повёз ребёнка к знакомому хирургу в первую областную, он эту мерзость и убрал. А ты что вдруг спрашиваешь?

– К своему стыду, только сегодня заметила. Мачеха – одно слово.

– Эх ты, мачеха-злодейка! Ну-ка иди ко мне... – Миша обнял и притянул к себе Зиночку. – Сейчас я с тобой разберусь...

Глава 4

О рассказе Динки, подглядевшей диалог между Синицыным и Цветовым, Зиночка, к стыду своему, забыла. А когда вспомнила, никак не могла улучшить момент, чтобы поговорить на эту тему с полицейским в отсутствие дочери. Так как попытки оказались тщетными, она решила отложить разговор до следующего раза.

Михаил предупредил её, что сегодня ему придётся работать в доме Раисы.

– Приедут специалисты по идентификации золотосодержащего лома и ядохимикатам. Нужно будет активировать изъятие и решать по транспортировке. По закону – перемещение цианидов надо конвоировать, – пояснил он.

Зина в свою очередь заверила Миху, что он может заходить в любой момент и запросто отвлекать её от перевода, за который она собиралась садиться, как только проводит их с Диной.

Остановившись в прошлый раз на описании сцены любви между Святым Блёсомом и Покорной, Зинка предвкушала романтическое продолжение истории. Однако ошиблась. Речь пошла о другом...

Из чёрной тетради

...Однажды Великолепный Пришелец вместе с Жителем Пелопоннеса пожаловали на представление Святого Блёсома и Покорной. С ними был незнакомец – старый шейх – араб из страны великих пирамид.

Дождавшись, когда Блёсом и Покорная освободятся от своих дел, вся компания отправилась на виллу Великолепного.

Весь вечер араб, не посчитавший нужным представиться молодой паре, разглядывал Покорную. Его скорбное выражение лица светилось надеждой, когда он о чём-то говорил с Великолепным, не отрывая глаз от девушки. Великолепный, свободно разговаривающий на языке страны пирамид, что-то подробно отвечал старику. Один раз он громко рассмеялся и обратился к Покорной:

– Наш гость очень переживает за тебя, Покорная! Он восхищён невиданной гибкостью твоего тела и умением высвободиться из любых пут. Но он был испуган, когда острые кинжалы вонзались рядом с тобой. А когда увидел, как метко ты можешь метать ножи, был бесконечно поражён твоим талантом. Тем не менее именно ты – носитель трансмиссионных частиц его заказа, поэтому он волнуется и просит тебя бережнее относиться к себе!

Всё это время араб согласно кивал головой, словно подтверждая каждое из сказанных Великолепным слов. Затем он снова обратился к хозяину и, с трудом стянув с пальца массивный перстень с огромным бриллиантом, протянул его девушке. Покорная замешкалась, не зная, стоит ли ей принимать столь щедрый подарок.

В разговор вмешался Житель Пелопоннеса. Он рассказал Блёсому и Покорной, что любимый сын старика погиб вместе со своей возлюбленной Охотницей, разбившись под землёй одного из красивейших городов мира о злополучную тринадцатую колонну. Блёсом и Покорная сразу всё поняли: об этой трагической истории знал каждый. Великолепный пояснил, что шейх просит принять перстень в дар, на память о его сыне.

Покорная посмотрела на Блёсома. Тот поклонился старику, взял протянутое кольцо и надел его на палец Покорной. Старик благосклонно кивнул.

Чистейший бриллиант величиной более десяти карат радужно сверкнул, демонстрируя безупречную огранку.

– «Принцесса». Огранка называется «Принцесса», – пояснил Великолепный. – Кольцо было изготовлено на заказ, специально в подарок для Охотницы...
С этого дня Покорная перестала выступать...

* * *

«Вот это поворот!»

Князева несколько раз перечитала последние абзацы. От нахлынувшего волнения трудно было усидеть на месте. Бесцельно пометавшись по второму этажу, она остановилась в спальне и вопросительно воззрившись на портрет обер-секретаря.

«Анисим Титович! Эта авторша нам с вами, по всей видимости, намекает на смерть принцессы Дианы. Или сочиняет для гротеска литературного... Смело, однако...»

Как показалось Зиночке, предок дворянского рода скептически улыбнулся.

«Считаете, что история тёмная, запутанная и вряд ли правдивая?»

Знатный вельможа нахмурился.

«Не сердитесь! Посыл понятен. Отвлекаться больше не буду. Моё дело переводить, а не оценивать содержание».

Князева вернулась к компьютеру и приступила к вычитке набранного текста, внося ряд исправлений.

«За деньги любой каприз, – размышляла она. – Кто-то получает алмазы, а кто-то – типа меня – берётся за любую работу. Неужели авторесса надеется, что этот “шедевр” будет читать ещё кто-нибудь, кроме неё и подневольной Зиночки?»

Проголодавшись, несколько раз позвонила Мише, хотела позвать его с Антоном на обед. Но подполковник не отвечал. «Ну надо же, какой важный! – разозлилась Зинуля. – Не хочешь – как хочешь, ходи голодным!»

Спустившись из кабинета, она поставила на плиту сковородку со вчерашним мясом и включила газ.

Любопытство взяло верх, и Зина решила выйти на улицу, чтобы с крыльца посмотреть, что происходит у дома пропавшей Раисы, и, если повезёт, увидеть, чем лично занимается господин полицейский.

Около дома Петровой она насчитала четыре легковушки и один грузовичок «Газель». Народу, сновавшего вокруг коттеджа, тоже было предостаточно. Разглядела Антона. Затем увидела Мишу, разговаривающего с каким-то толстым незнакомым мужчиной. Убедившись, что суженый действительно занят делами, Зинуля достала тарелку только для себя любимой и приготовилась пообедать в одиночестве.

В это время зазвонил телефон.

– Зин, накрывай! Забегу на пять минут! – распорядился подполковник.

Буквально заглотив пищу, Миха отодвинул тарелку и откинулся на стуле в ожидании чая.

– Сумасшедшие дни какие-то... – размышлял вслух подполковник. – Одно за одним, одно за одним...

– Что опять случилось? – поинтересовалась Зиночка, поставив на стол перед женихом огромную оранжевую чашку, доверху наполненную сладким чаем с молоком.

– Городские коллеги пожаловали.

– Это тот толстый мужик, с которым ты разговаривал?

– Видела? – Миша отхлебнул из чашки. – Толстый – из городского УВД. У них иностранец пропал. Некто Клод Эйдэн, он же бывший наш соотечественник Клеон Адониди. Оформил на два дня дорожную тачку в прокат и исчез... Машину нашли брошенной за городом.

– Не тот ли это Эйдэн – лидер секты виталитов – который утверждает, что после смерти избранные земляне будут материализованы на других планетах? – с интересом спросила она. – Он благополучно возвращает людей с того света и имеет постоянный контакт с разумными существами во Вселенной. Я в интернете читала... Знаешь, всегда удивляюсь: чем невероятнее чушь – тем больше народа в неё готово верить и финансировать. Удивительно! Пишут, что в активных инвесторах там куча знаменитостей.

– Да и фиг бы с ним, – отозвался подполковник. – Удивительно другое. Согласно биллингу звонков, зафиксированное местоположение абонента подтверждает его нахождение в «соте» нашей местности. Такие дела...

– А вдруг он бродит по здешним деревням в поисках новой паствы? – пошутила Зина. – Только у нас тут своих чудиков полно... Придётся тебе искать его посредством трансцендентных техник. Может, к экстрасенсам обратиться? А фото есть? Вдруг доведётся встретить в нашем лесу...

Миша вытащил из кармана кителя свёрнутый вчетверо листок ориентировки.

– Симпатишный! – оценила Зиночка. – Староват только... Лучше расскажи, какие версии по отравлению Ильяса.

– «Какие версии!»! – передразнил Миша, игриво похлопав хозяйку ниже спины. – Бежать надо! Спасибо, Зинуля, за вкусный обед! А по Ильясу... В разработке группировка скинхедов. Думаю, их рук дело...

– Фашисты! – возмутилась Зина. – Ну чего им не хватает? Интересно, в посёлке их кто-нибудь видел? Насколько я знаю, эти бритоголовые поодиночке не ходят...

Борисов уже обувался в прихожей, когда Зинаида ойкнула, вспомнив о просьбе Диночки рассказать отцу о странном разговоре Синицына с фокусником.

Выслушав, мужчина поморщился.

– Зин, ну ты же умная женщина, должна понимать... Дина – глухонемая...

– Так она по губам...

– Зин, ну а если это шутка была? Или в переносном смысле чего сказал... Не грузи меня хоть этими вашими фантазиями!

– Но ты всё равно дочь расспроси, – настаивала Зинуля.

– Поговорю, – заверил подполковник. – Ты лучше своей работой занимайся!

– На сегодня норму выполнила, – отрапортовала она. – Мне к Аркадию Казимировичу сбегать надо – Идочке майку отдать.

– Интересненько...

– Иди уже! Разговорился!

Зинаида поднялась на носочки и поцеловала Михаила в губы.

– Вкусно! – улыбнулся он. – Вкуснее, чем обед. Пока. Созвонимся.

Идти Зиночке никуда не пришлось. Аркадий Казимирович сам явился знакомить Зинаиду Львовну с новым охранником.

– Вот, Зиночка, это Фёдор Кольцов, – представил он симпатичного мужчину лет тридцати пяти. – Будет у нас работать вместо Ильяса. – Казимирыч вздохнул. – Мы, так сказать, с Фёдором владенья обходим, знакомимся со всеми... Кстати, Зинаида Львовна, ваших ключей на посту нет... Вы забирали?

Зиночка отрицательно помотала головой.

– Странно... – протянул председатель товарищества собственников жилья «Озёрное». – И как теперь быть?

– Михаил Григорьевич сказал, что замки поменяет. Новые ключи тогда и сдам, – ответила Зиночка.

О том, что у неё в доме побывали непрошенные гости в день убийства Ильяса, ничего говорить не стала. Прощаясь, передала Казимировичу внучкину майку и поинтересовалась по поводу концерта.

– Спасибо! Совсем забыл поблагодарить вас, дорогая Зинаида Львовна! Выручили, уговорили Цветова. Администрация довольна. Плакаты по всему посёлку развешаны. Начало в два часа дня. Обязательно приходите! Первые два ряда – для своих, глава распорядился. Так что встретимся.

– Зинаида Львовна, – неожиданно подал голос Фёдор, – зачем уважаемого человека грузить ерундой?

Зинуля недоумённо уставилась на говорившего. Лицо Фёдора при внимательном рассмотрении показалось ей интересным. Может, даже чересчур благородным для простого охранника. В ответ на её пристальный взгляд мужчина широко улыбнулся и неожиданно подмигнул.

– Я это к тому говорю, что вы можете только купить замок, а я его вам сам поставлю. Можете в любое время обращаться! Договорились?

– Договорились, – согласилась Зинка и тоже улыбнулась.

– Вот и ладушки, – подытожил новый страж.

«Хорошо, что никуда идти не пришлось, – облегчённо подумала Зина. – Займусь генеральной уборкой!»

Когда была жива мама, капитальная уборка с мытьём стен, окон и содержимого многочисленных полок сервантов производилась к Пасхе. Но раз нерадивая дочка нарушила традицию, нужно исправиться хотя бы к Первомаю.

Вытащив из кладовки пылесос, вёдра, тазы и четыре сорта различных хозяйственных тряпок, Зинаида надела тонкий водонепроницаемый фартук и повязала лоб банданой. Увидев своё отражение в зеркале, она рассмеялась. Хоть сейчас на страницы комиксов про воинственную коротышку-домохозяйку! Густая копна рыжих кудрей собрана на макушке в пышный пучок; чёрная бандана с черепом посередине; длинный болоньевый фартук военной, маскировочной расцветки; резиновые перчатки цвета хаки – просто новый образ уборщицы в стиле милитари!

Зина провела пальцем по зеркальной поверхности и, обнаружив пыль, приступила к работе. Метр за метром, не пропуская ничего на своём пути, она наводила порядок в доме. Перемыла посуду. Протёрла полки. Включив пылесос, начала собирать мусор. Добралась до серванта.

Сервант был старинным, сделанным из настоящего дерева. Или, как сейчас принято говорить, из цельного массива. И всё в нём было бы замечательно, если бы не короткие изогнутые ножки. Эта их короткость никак не позволяла пропылесосить пол непосредственно под сервантом.

Разгорячённая Зиночка выключила гудящий аппарат и, вооружившись тряпкой, улеглась прямо на кафель. Она просовывала фибровое чудо в щель между дном серванта и полом, пытаясь – насколько возможно – протереть труднодоступную поверхность.

В очередной раз отжав прополосканную в ведре тряпку, Зинаида встряхнула поломоечное орудие.

Дзинь... Что-то с тихим звоном упало на кафельный пол гостиной.

Зина присела на корточки и, сняв перчатку, подняла маленький, размером с таблетку, слиточек жёлтого металла. Тревожные мысли пронеслись в голове одна за другой... Странная лаборатория в гараже у покойной Раисы. Куличи, переданные соседкой и варварски испорченные неизвестным вредителем. Пропажа ключей с поста охраны. Смерть Ильяса... И вот теперь кусочек металла, очень похожего на золото.

– Люди гибнут за металл! За металл! Сатана там правит бал! Правит бал! Этот идол золотой волю неба презирает, насмехаясь, изменяет он небес закон святой. В угожденье богу злата край на край встаёт войной. И людская кровь рекой по клинку течёт булата! Люди гибнут за металл! – вспомнив арию Мефистофеля, напела разглядывающая находку Зиночка.

Насмотревшись, она бережно положила золотинку в одну из стоящих на полке рюмок и, решив подумать об этом завтра, продолжила мытьё полов.

Глава 5

Главное в жизни – научиться расставлять приоритеты.

Философские размышления посетили Зинаиду на следующий день, за ранним завтраком. Всё навалилось комом, думала она. Во-первых, нужно понять, отчего Диночка настроена против того, чтобы её отец вступал в официальный брак. Во-вторых, следовало принять решение: говорить ли сейчас с Михаилом о найденном кусочке жёлтого металла или нет? Её предположение относительно того, что это золото, выпавшее из выпотрошенного кем-то кулича, оставалось всего лишь гипотезой. В-третьих, не стоило затягивать с переводом рукописи, потому как существовала вероятность, что первый вариант перевода и редактуры может не понравиться заказчику, ввиду чего потребуется дополнительное время на доработку. А они с Мишей планируют отпуск на море... В-четвёртых, завтра праздничный концерт, и хотелось бы присутствовать на нём в чём-нибудь новом и сногшибательном.

Закончив с инвентаризацией волнующих вопросов, пришлось выстроить их по порядку. В результате первоочередным и не терпящим отлагательства делом был выбран срочный шопинг в поисках наряда.

Электрички до областного центра ходили каждый час. Всего шестьдесят минут в удобном вагоне – и вы оказываетесь в торговом центре города. Здесь целая пешеходная улица манит желающих потратиться витринами бутиков, фирменных магазинов и универмагов, кафешками и дорогими ресторанами...

У Зиночки лишние деньги не водились, поэтому к таинству приобретения одежды она подходила очень серьёзно. В гардеробе не должно было быть случайных вещей! И если она собиралась разориться на выходное платье, то подготовиться следовало досконально.

Поэтому, до того как отправиться за покупками, Зиночке пришлось проштудировать тенденции актуальной моды. Она внимательно просмотрела несколько сайтов, посвящённых последним показам, чтобы знать, какие именно расцветки будут в тренде летнего сезона и на какие ткани и фасоны следует ориентироваться.

Оказалось, что в этом году Институт цвета Pantone остановил свой выбор на достаточно широкой цветовой палитре. Зиночка узнала, что Pantone ежегодно проводит исследования, по итогам которых представляет перечень самых актуальных оттенков, а также объявляет главный цвет года. Свои прогнозы компания делает, изучив социальные и культурные изменения в обществе и учитывая частоту использования оттенков в различных видах искусства. Цвет года определяется после секретных встреч представителей различных национальных цветовых групп в одной из европейских столиц. После чего публикуется в специальном руководстве «Pantone View», которое приобретают дизайнеры, флористы и многие другие компании, старающиеся привлечь покупателей.

Больше всего Зиночке понравились два цвета с оригинальными названиями: «Пыльный кедр» и «Пыльная роза».

«Пыль в тренде», – пошутила она про себя, приступая к разглядыванию витрин магазинов.

Примерно через два часа напрасных поисков Зинаида убедилась, что продавцы и консультанты бутиков совсем не ориентируются в моде и, в отличие от неё, специализированных сайтов не читают. Почти во всех магазинах ей предлагали не то, что нужно. А когда она пыталась вступать в диалог с персоналом, то только раздражала своей «компетенцией» праздно шатающихся девиц.

– Здравствуйте! Чем могу помочь? – надоевшая фраза всякий раз сопровождалась дежурной улыбкой.

– Здравствуйте, – вежливо отвечала Зиночка. – Я с удовольствием воспользуюсь вашей помощью.

– Что желаете? – следовало незамедлительное продолжение шаблонной беседы.

– Подыскиваю праздничную одежду. Интересуют платья. Главное условие: они должны быть модными, летними и желателен цвет пыльной розы или пыльного кедра. Могу рассмотреть ещё что-нибудь, но в рамках палитры текущего года.

Тупик! Шок! Продавщицы впадали в ступор, стараясь при этом сохранять натренированные улыбки. Несмотря на то, что их «элитный» бутик не стыдился заламывать космические цены на товары, им и в голову не приходило, что кто-то из посетителей всерьёз потребует соответствия имеющихся в продаже моделей тренду сезона. Однако выкручивались на месте как могли.

– Вот, посмотрите розовое платье. И размер ваш. Примерьте, я провожу вас в кабинку.

– Девушка, вы заблуждаетесь, это цвет фуксии, он был в моде в две тысячи первом году. Да и подобный фасон сегодня не актуален, – с удовольствием парировала подкованная Зинаида.

– Тогда вот это...

– Sand dollar... – разочарованно тянула привередливая покупательница. – Две тысячи шестой...

– Это! – продавщицы входили в азарт.

– Лазурный... Двухтысячный...

– Тогда, может, костюм?

– Жимолость – тренд две тысячи одиннадцатого.

– Посмотрите красное платье!

– В принципе, красное актуально, но в данном случае я вижу оттенок Aurora red, а не истинно красный. И потом... Обилие кружев на лифе при моём росте... Вы шутите?

Изрядно утомившись преподавать азы моды в пяти магазинах, Зинуля в очередной раз вышла на улицу, ничего не купив. Очень хотелось присесть и выпить чашечку кофе. В нескольких шагах от неё виднелись ярко-оранжевые зонтики уличной кофейни. Зиночка отправилась на манящий запах...

Большая часть посадочных мест была свободна. Женщина расположилась за угловым столиком и в ожидании официанта продолжала разглядывать манекены, выставленные в витринах. Заказав капучино с корицей и эклер, Зинуля набрала Мишин номер, и, пока подполковник не принял вызов, пришлось в очередной раз «насладиться» прослушиванием рингтона «Турецкий марш» великого Моцарта.

В этот момент в кафе вошла стройная женщина. Она была в строгом деловом костюме, в туфлях на высоком каблуке и шляпке. Яркий макияж делал лицо похожим на маску и явно старил её...

– Идочка! – удивлённо выдохнула Зинка.

Женщина одарила её неприязненным взглядом и торопливо покинула кофейню.

– Лена! – раздалось из-за соседнего столика. – Элен, я здесь!

Голос показался знакомым – Зинаида обернулась.

Кричавшая женщина крупного телосложения в шёлковом цветастом платье поднялась из-за стола с явным намерением догнать беглянку. Проходя между столиков, она мелькомглянула на Зину и автоматически поздоровалась:

– Здравствуйте, Зинаида Львовна.

Потом, словно спохватившись, прикрыла рот рукой и скрылась в толпе, заполняющей торговую улицу.

«Марьяна!» – запоздало узнала женщину Зинаида. Продавщица из церковной лавки! Просто Зиночка раньше никогда не видела её в такой красивой одежде и без платка. В церкви

Марьяна всегда ходила с покрытой головой, в чёрной вязаной кофте и длинной юбке. Зина поймала себя на мысли, что даже никогда не видела цвет волос этой дамы. А они, оказывается, потрясающе красивые: тяжёлые, каштановые, забранные в конский хвост.

Зиночка машинально захотела привстать и проследить, в каком направлении удаляются односельчанки. Но тут подошёл официант и полностью заслони́л обзор улицы. Когда Зина расплатилась по принесённому счёту, Марьяны уже нигде не было видно.

«Вот ещё одно событие в череде требующих решения вопросов», – подумала Князева и услышала, как в телефоне надывается взволнованный голос подполковника:

– Зина!.. Зинуля! Что случилось?.. Почему молчишь? Ты где?.. – кричал Михаил Григорьевич.

– Извини, извини, – скороговоркой пролепетала взволнованная Зинаида. – Я в городе...

– Почему в городе?

– Приехала купить платье для завтрашнего торжества. И представляешь, я тут встретила... Марьяну и Иду Тусевич... – Зиночка зачем-то понизила голос, перейдя на шёпот.

– Кого? – не расслышал полицейский.

– Иду Тусевич. Только она на себя не похожа: загримирована зачем-то!

– Ты уверена? Обознаться не могла?

Зиночка задумалась.

– Вроде нет...

– И где она сейчас?

– Не знаю. Мне показалось, что она никак не ожидала меня увидеть и убежала...

– Обозналась! – утвердительно произнёс подполковник. – Платье купила?

– Нет.

– Ну тогда иди и покупай! И никому не рассказывай, что встретила похожую на Иду женщину. Смеяться будут! Договорились?

– Да, – согласилась Зиночка.

Она вышла из кафе и снова направилась к магазинам. Уже потянув на себя ручку входной двери шестого по счёту бутика, женщина услышала за спиной запыхавшийся голос:

– Дама! Дама! Подождите!

Зинуля обернулась. Перед ней стояла молоденькая продавщица из последнего салона под названием «Итальянская мода».

– Я всё ждала, когда вы кофе допьёте, но проморгала, как вы из кафе вышли, – она виновато улыбалась. – Вы только ушли, а хозяйка наша приехала с новой партией товара. Мы ей про вас рассказали: мол, какие покупательницы сейчас подкованные пошли. Она и говорит: «Посмотри, Люся, если дама недалеко ушла – верни. У меня, кажется, есть то, что она ищет».

– Вернусь с удовольствием, – успокоила Зина девчонку.

На пороге её встретила моложавая хозяйка неопределённого возраста, одетая изящно и по последнему писку.

– Здравствуйте, – она заговорила так, словно они были давно знакомы. – Представляете, проспала! Хотела с утра в магазин приехать – и проспала. Только вчера с мужем из Милана прилетели! У нас семейный бизнес, – зачем-то пояснила она и, окинув Зину с ног до головы пронизательным взглядом, крикнула в сторону открытой двери подсобного помещения: – Санечка, принеси, пожалуйста, нам все маллеты! Эмочки, пожалуйста... Надеюсь, вам нравятся платья-маллеты? Они отлично смотрятся на невысоких девушках, – уточнила хозяйка.

Видимо, это была невинная женская месть. Продавщицы явно рассказали владелице о том, как умничала Зинаида, заставляя краснеть её подчинённых. Но не тут-то было! Про платья-маллеты Зиночка была, конечно же, в курсе.

– Думаю, то, что надо, – спокойно согласилась покупательница и, чтобы никто не сомневался в её осведомлённости, добавила: – Обожаю маллет! Мне действительно идёт разно-

уровневая каскадная модель, в которой спереди платье короче, а сзади длиннее. Платье-маллет популярно уже несколько сезонов. И этим летом остаётся актуальным, собственно, как и раньше. Хотя... В основном модели декорируются оборками или плиссировкой. Лично мне больше нравится кружево и чтобы края платья были неровные. Люблю асимметрию!

Продавщицы восторженно смотрели на покупательницу. Симпатичный юноша вынес в зал четыре продолговатых коробки.

– Вот, все эмочки. – Он занёс платья в примерочную. – Проходите.

«Действительно, семейный бизнес. И сынок пристроен. Наверное, подрабатывает параллельно с учёбой», – подумала Зина.

Она зашла в примерочную и, открыв картонки, застыла в немом блаженстве. О боже! Платья были так прекрасны! Все четыре абсолютно разного дизайна и цвета. Просто обворожительны!

– А-а-ах!.. – непроизвольно вырвался у Зиночки возглас ликования.

В зале засмеялись.

– Господа, всё в порядке! Это наша постоянная клиентка примеряет платья из новой коллекции.

«Господи!» – на минуту устыдилась своих эмоций Зиночка, сообразив, что в бутик зашли новые покупатели и, видимо, очень удивились вздохам, доносившимся из кабинки.

Зинаида примерила первое платье и превратилась в Дюймовочку, которая собирается на свидание к принцу. Покрой напоминал бутон нежной розы, перевёрнутой крупными, слегка приоткрывшимися лепестками книзу. Каждый ярус-лепесток был декорирован перламутровым кружевом на полтона светлее коричневатого-розоватого оттенка шёлка юбки. Шлейф платья был довольно длинным, в то время как подол спереди только слегка прикрывал колени. Шёлк казался маслянистым и струился по телу.

– У вас какой размер ноги? – поинтересовалась продавщица. – Я сейчас подберу для вас туфли на каблуке.

– Тридцать седьмой, – голос у Зиночки дрожал.

Через минуту протянутая за шторку рука подала обувь. Облачившись, Зиночка шагнула в зал.

– Ох! Какая прелесть! Замечательно! – раздалось со всех сторон.

Сын хозяйки не удержался от аплодисментов.

– Ева, я же говорил – шедеврально! – обратился он к даме.

– У моего мужа отменный вкус! – Женщина поцеловала юношу в щёку. – Санечка – ты лучший!

Следующее платье, наверное, было навеяно прекрасными сновидениями. Кремового цвета, оно было сшито из органзы на атласном подкладе, с юбкой, ниспадающей крупными воланами. Фасон скорее походил на летний сарафан средней длины и без длинного шлейфа. Вся прелесть модели заключалась в матовых тёмно-малиновых цветочках, нашитых по всей поверхности ткани. В нём Зиночка выглядела лет на десять моложе. Она стянула с волос заколку, и рыжие кудри, рассыпавшись по плечам, изумительно дополнили образ. Зрители, ожидавшие её появления, зацокали языками и заохали с ещё большим восторгом.

Настал черёд третьей примерки. Следующее платье отличалось более строгими линиями. Его лиф был выполнен из тончайшего трикотажа серебристо-серого тона. Вырез горловины и аккуратные рукавчики украшала тонкая тесьма с чёрной вышивкой. Одноярусная чёрная юбка, выполненная из плотной хлопчатобумажной ткани с глубоким запахом спереди, была украшена по кромке такой же вышивкой, только исполненной серебряными нитями. Платье выглядело настолько запоминающимся и стильным, что Зинаида даже из кабинки выходила по-другому – более плавно и торжественно. Снискав очередную порцию восторгов, она так же грациозно удалилась для финального показа.

Последняя модель была сшита из дымчатого батиста в блёкло-жёлтых и сиреневых тонах. Цветы выглядели размытыми, отчего не диссонировали с фоном. А покрой казался просто божественным! Просторный наряд изобиловал мелкими рюшечками и узенькими кружавчиками. Пышные рукава прикрывали локти. Мелкие перламутровые бусинки пуговиц красовались до пояса. Асимметричный подол юбки придавал образу романтики и трогательной нежности. Но при всей пасторальности исполнения платье выглядело ультрамодным.

Зинка стояла посредине зала, и её душа рвалась на мелкие кусочки. Она отчаянно хотела купить все четыре вещи! Зачем, зачем она вернулась в этот бутик?! Куда делись её скепсис и самоуверенность!

«Что за культ тряпок, в конце концов!» – застучало в голове отрезвляюще. Но поверх этого напускного негодования пульсировала и дёргалась, словно под воздействием электричества, одна-единственная мысль: «Сколько я ещё получу за рукопись? Интересно, хватит мне этой суммы на все платья? Я не поеду к морю, я могу летом прекрасно купаться в нашем озере и пить кефир! Лишь бы хватило денег, лишь бы хватило...»

Зинаида переделалась обратно в любимые джинсы и чёрную тунику. Собрала волю в кулак и обратилась к владелице сказочных нарядов с унижительной просьбой:

– Вы меня, ради бога, извините, могу я вас попросить отложить всю эту красоту буквально на пару недель? Обязуюсь выкупить. Я вам свой номер телефона оставлю, – она придала голосу непринуждённый тон.

Было видно, что хозяйка от предложения не в восторге.

– Знаете, – её голос прозвучал неуверенно, – мы никогда не практиковали такого. Тем более две недели...

– Гонорар, я получу гонорар! – просила Зиночка.

– Залог оставите?

– Конечно, конечно! Сколько?

– Ну... хоть процентов тридцать. Санечка, посчитай тридцать процентов от четырёх платьев.

Муж, годившийся в сыновья, взял калькулятор, принёс папку с накладными, подозвал жену, и они о чём-то пошептались, тыча ручкой в цифры на бумаге.

– Получается сто восемнадцать шестьсот. Давайте уж для ровного счёта сто двадцать и телефончик. Ну и сами понимаете, товар отдадим сразу, когда состоится полный расчёт.

– Сто двадцать долларов? – радостно спросила Зинка. – Возьмите рублями по удобному для вас курсу, хоть по семьдесят.

Супруги переглянулись.

– Почему «долларов»? Рублей! Сто двадцать тысяч рублей! Общая стоимость вашей покупки – триста девяносто пять тысяч триста рублей. Эти платья из коллекции модного дома... – она продолжала что-то говорить, но Зиночка уже ничего не слышала...

«Какая же я дура!.. Нищая, сумасбродная дура! Прочитала пять страниц из интернета, положила в кошелек тридцать тысяч рублей и отправилась выбирать себе что-нибудь из последней экспозиции... Стыдно-то как, господи! – Больше всего хотелось выбежать в дверь и драпать отсюда до самого Озёрного. – Мы с мамой две квартиры продали, в кредит влезли, чтобы коттедж за шесть миллионов построить... А тут... четыреста тысяч за тряпочки?!»

Видимо, вся гамма чувств – от стыда до ненависти – отразилась на её лице.

Молодой муж нарушил тишину:

– Давайте поступим следующим образом. До конца завтрашнего дня платья полежат на складе абсолютно бесплатно. Если вы надумаете – милости просим, договор в силе. А нет так нет. – Он внимательно посмотрел на покупательницу.

– Я поняла. Спасибо, – осипшим голосом проскрипела Зина и торопливо покинула магазин.

Не оборачиваясь и ускоряя шаг, она не заметила, как дошла до конца улицы. Опомнившись, что рискует остаться без обновки, наудачу потянула на себя дверь, ведущую в последний угловой магазинчик.

Войдя внутрь, Зиночка оказалась в малюсенькой душной комнате с развешанной от пола до потолка в несколько слоёв женской одеждой. Поздоровавшись, поинтересовалась у продавщицы, в каком ценовом диапазоне представлен товар. Тётенька явно растерялась.

– В какую цену платья? – переформулировала вопрос Зина.

– На тебя, что ли? – бесцеремонно поинтересовалась торговка. – Смотря какие... Есть дешёвенькие – по тысяче, а есть и дорогушие – до десятки... Вот с это стороны смотри, тут много чего на тебя. – Она указала рукой на центр стены.

Запах от товара шёл не очень приятный. Некоторые вещи вытянулись и запылились от долгого пребывания на плечиках. Прокопотившись некоторое время в указанном месте, Зина извлекла на божий свет симпатичное платье с асимметричной юбкой из гипюра.

– Неужели носить будешь? – поинтересовалась продавщица. – У меня в семьдесят девятом на свадьбе капроновое платье было. Только не жёлтое, а белое...

– Это не капрон, а гипюр. И не жёлтое, а горчичное – цвет, который в этом году снова в тре... – Зина прикусила язык.

– А видала, подол неровный? – не унималась тётка.

– Фасон маллет...

– Я их называю кривыми... С тебя пять восемьсот.

Зинаида облегчённо вздохнула и на радостях купила для Динки чудную трикотажную блузочку.

Вечером она в подробностях рассказала Михаилу о прошедшем шопинге.

– Так что жена я буду малобюджетная, считай за сегодняшний день триста девяносто тысяч сэкономила!

– Убиться веником! – подытожил подполковник. – Почку продать, и то не хватит... – Потом посерьёзней и перевёл разговор в другое русло: – Ты, Кудряшка, лучше скажи, уверена, что в городе внучка Тусевича встречалась с Марьяной?

– Насчёт Идочки – не знаю... Наверное, и вправду обозналась. Но то, что там была Марьяна, это сто процентов.

– Кошка скребёт на свой хребет, – задумавшись, пробормотал подполковник.

– Миш, а я тут кусочек золота нашла, – произвольно ляпнула Зинка и, достав из серванта слиточек, протянула полицейскому. – Это точно не моё. Думаю, не зря кулички ломали.

– Интересный поворот... Улику я забираю, а вас, гражданка, придётся всю ночь допрашивать по всей строгости закона.

– Всю ночь... Я согласна... – промурлыкала Зинаида и поцеловала жениха.

Глава 6

Несмотря на то, что Первое мая был выходным днём, он с самого утра выдался суматошным. Миша отвёз Зинаиду к себе, а сам отправился на работу, велел девочкам собираться на концерт и ждать его к обеду.

Сначала Зинаида погладила и развешала на плечиках их с Динкой наряды, предназначавшиеся для торжественного выхода в свет. Затем, расположившись на маленькой кухне, решила заняться готовкой.

Динка притащила ноутбук и, устроившись тут же, за столом, работала над своими снимками, редактируя их в фотошопе. Зинаида, ловко орудуя ножом, чистила картошку. На секунду замерев, она дотронулась до руки девочки. Динка подняла на неё глаза.

– Дина, ты помнишь, кто сделал тебе эту татуировку? – медленно спросила женщина.

Динка пожалала плечами и, помотав головой, снова уткнулась в компьютер. Зина не отставала и снова похлопала девушку по руке.

– Не хочешь рассказывать?

Динка выставила перед собой ладонь с прямыми, плотно прижатыми друг к другу пальцами.

– Нет так нет.

Зине показалось, что девушка начала волноваться. Наверняка это связано с непутёвой матерью, и Дине совсем не хочется обсуждать это с мачехой. «Ладно, отложим разговор...» – решила Зинаида. Если у Динки не было настроения, она начинала злиться, и вытянуть из неё какую-нибудь информацию становилось невозможным. А жаль! Ведь Зиночке так хотелось спросить будущую падчерицу, почему всё-таки та настроена против их свадьбы. Придётся подождать другого удобного случая...

– Угу-у-у, угу! – вдруг промычала девушка и постучала по столу, да так сильно, что вода из кастрюльки с почищенными овощами брызнула в разные стороны.

Зина подбежала к Динке и обняла её за плечи. Та продолжала мычать, испуганно тыча пальцем в монитор.

– Успокойся! Что тебя напугало?

На рабочем столе экрана была открыта папка с фотографиями из альбома «Лица земляков». Зина знала, что Динка отбирает лучшие снимки для стенда в Доме культуры. И что? Что её напугало? Зинаида схватила мышку и стала просматривать все фотографии в папке.

Ничего особенного. Все свои, все знакомые: Михаил в кабинете; Михаил с Антоном на рыбалке; ученики играют около школы; Раиса с корзинкой грибов; женщины с колясками; футбольный матч; Сеницын за мольбертом; Зинаида с подснежниками; водители-дальнобойщики; местный фермер с поросёнком на руках; церковь, отец Серафим кормит собачку; Казимирыч жмёт руку главе поселения... Отличные снимки, ничего особенного Зина не заметила.

– Ы-ы-ы! – Девушка вырвала мышку и вернула на экран фото батюшки Серафима, затем, наведя курсор, стала увеличивать изображение. На заднем плане, за скамейкой, на которой был снят священник, стояли двое: Марьяна и статный седой мужчина высокого роста.

– Ну и что? – поинтересовалась Зинаида. – Мало ли прихожан в церкви бывает?

Казалось, что Динка на неё не реагирует. Она свернула изображение, торопясь и нервничая, открыла другую папку. Её руки тряслись. Наконец на экране появилась вся фотосессия, посвящённая отцу Серафиму.

Динка открывала снимки один за другим, пока не выбрала тот, на котором разговаривающие за спиной батюшки получились наиболее крупным планом, а камера запечатлела незнакомого прихожанина анфас. Динка вырезала его лицо и максимально увеличила, поработав с

резкостью и цветностью. Получился отдельный портрет. Лицо показалось Зиночке знакомым, но кто это – она не могла припомнить.

– Ты его знаешь?

Динка энергично закивала головой. Зинаида придвинула к себе ноутбук и, открыв пустую страницу, напечатала «капсом»:

«Кто он?»

«Он следил за мной!» – быстро напечатала девушка в ответ.

«Ты уверена?»

«Да!»

– Тук, тук... Чем тут мои хозяйшечки занимаются? Почему не чувствую запаха жареной картошечки? Эй, вы что там разглядываете? Даже не слышали, как я вернулся... – обиделся подполковник.

Зинка торопливо скрыла переписку, и на экране снова появился портрет незнакомца.

– Откуда у вас это фото? – подполковник вопросительно посмотрел на Зинаиду.

– Миш, кто это?

– Я тебе показывал два дня назад. Это Клод Эйдэн. Вечером распечатаете мне все снимки, на которых он есть, – приказал Борисов дочери. – А ты давай ставь картошку, – второй приказ был адресован Зинке. – Не голодными же на концерт идти! А ну как в животе урчать будет?

* * *

Официальная часть торжественного собрания длилась почти два часа. После выступления руководства всех мастей началось награждение лучших работников поселения. На сцену вызывались и рабочие местного молокозавода, и песчаного карьера, и учителя, и врачи, и трактористы... Представитель областной администрации вручал грамоту, жал руку, а нарядные старшеклассницы одаривали награждённых букетиками тюльпанов.

Динка вертелась около сцены, успевая запечатлеть на фотокамеру каждого из передовиков. Она – глухонемой фотограф – в посёлке ценилась за профессионализм. Динка охотно подрабатывала на местных свадьбах и юбилеях.

Растерянный Михаил приятно удивлялся спросу на Динкины услуги. Сначала он категорически запрещал дочери брать деньги. Но потом смирился. Да много и не давали... После издержек на расходники девчонке оставалось две, иногда три тысячи рублей, которыми она ужасно гордилась и с удовольствием тратила.

Молоденький веснушчатый парнишка-повар единственного сельского ресторанчика, вместо того чтобы пройти через всю сцену и спуститься в зал по ступенькам, ловко спрыгнул рядом с девушкой и, улыбаясь, вручил ошарашенной Динке свой букет.

Та сначала растерялась, но затем, приняв цветы, присела перед кавалером в глубоком реверансе. Все, кто наблюдал эту сцену, одобрительно захопали. Парень, смутившись, направился к своему месту, а довольная Динка, отдав тюльпаны Зиночке «на хранение», снова вернулась к своим обязанностям.

Зинаида с Мишей переглянулись. От нахлынувшей сентиментальной радости женщина опустила лицо к букету, сделав вид, что нюхает розовые чахлики, а растроганный Мишка незаметно смахнул слезу и погладил свою избранницу по руке.

Наконец ведущий объявил выход Святослава Цветова. На сцене появились небольшой столик, стул и ещё какие-то коробки, по всей видимости являющиеся частью магического реквизита. Зрители замерли в ожидании.

Диночка, занявшая своё место в первом ряду рядом с отцом, тотчас забрала у Зинаиды цветы и глядела на сцену, всё время поглаживая пальцами блестящий целлофан упаковки.

Свят не оправдал ожиданий Зинки, появившись на сцене вовсе не в смокинге с бабочкой и цилиндре, а в тёмно-синих безукоризненно сидящих на нём джинсах, чёрной майке, выгодно облегающей его спортивную фигуру, и ярко-жёлтых мокасинах.

«Щёголь, – подумала она. – Но хорош!»

Встав на середину сцены, Цветов приложил руку к сердцу, блеснув на запястье браслетом часов. Порывисто поклонился, да так, что Зина – сидящая в первом ряду – увидела, как раскачивается золотой медальон на массивной цепочке, когда фокусник на секунду замер, опустив голову. Затем он выпрямился и, откинув со лба густые тёмные волосы, обратился к собравшимся. Кратко, без лишних слов, Свят объяснил присутствующим, что, находясь здесь на отдыхе, он не планировал давать концерты и, к сожалению, не имеет с собой реквизита для зрелищных номеров.

– Будем работать с тем, что есть! – возвестил он и поднял над головой карточную колоду. Зал зааплодировал, представление началось.

Цветов спустился к зрителям и предложил разобрать все до одной карты из колоды, не показывая ему, какую карту вытянул каждый. Затем, бегом вернувшись на сцену, он взял микрофон и попросил обладателей карт подниматься с места в любой очерёдности. При этом он, ни разу не ошибившись, называл значение карты и масть. Восторженные участники действия тут же демонстрировали в подтверждение его слов свои карты, точно соответствующие описанию. Некоторые скептики щупали карты, рассматривали их на свет, однако, ничего не обнаружив, не могли скрыть недоумения. Десятки смельчаков бурно изъявляли желание принять участие в следующих фокусах. Свят не возражал, наоборот, выбирал самых горластых зрителей.

Трое подвыпивших по случаю праздника мужиков под одобрительное улюлюканье зала прошли на сцену. Иллюзионист предложил им дождаться, когда он скроется за кулисами, и выбрать из колоды по одной карте на их усмотрение. Карты следовало показать зрителям и запомнить. Далее выбранные карты нужно было вернуть в колоду, перетасовать и только после этого позвать его обратно.

Троица приступила к исполнению задания. В гробовой тишине каждый из находившихся в зале чувствовал себя заговорщиком против именитого артиста. Мужики, посоветовавшись, выбрали трёх королей: червонного, бубнового и трефового. После того тщательно перетасованная колода была возвращена вернувшемуся на сцену иллюзионисту.

Тот в свою очередь ещё несколько раз эффектно перемешал карты, применяя различные флориши, и наконец установил колоду в серебристую подставочку продолговатой формы. Затем, обращаясь к публике, маг поинтересовался, знает ли кто-нибудь волшебные заклинания. Любые.

На сцену вышла молодая мамаша, ведущая за руку мальчонку лет пяти.

– Никиточка, скажи волшебные слова, – обратилась она к сыну.

– Рэкс! Пэкс! Фэкс! – выкрикнул мальчуган, ничуть не смутившись.

В этот момент на глазах у всех одна карта из колоды стала медленно подниматься над остальными. Поднявшись во всю длину, она упала на стол. Свят сделал приглашающий жест, и азартные эксперты делегировали бойкому Никитке право взять со стола карту и показать залу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.